

Страна восходящей Геполы

Волков Олег.
Фантастический роман.

Мир: «Свет цивилизации».
Серия: «Власть над миром».
Подсерия: «Человек за троном» - 1.

Аннотация

Бессмертный попаданец Саян Умелец прожил на Миреме больше пяти тысяч лет. И вот перед ним очередная жизнь под личиной простого смертного и очередная проблема: чему, кому, какой стране посвятить её?

Выбрать сложно. Приближается безумный век, век глубоких социальных потрясений и мировых войн. Стирия и Фатрия активно строят мировую колониальную империю. Старичок Мирем почти поделён на сферы влияния. Да ещё менги, личный и древний враг, вновь подняли голову.

Мало выбрать страну. Гораздо важнее и сложнее найти, как именно помочь ей, как именно вывести на путь прогресса. Да и о себе не забыть: деньги, это не только дорогие дома и женщины. В первую очередь это доступ в высшие эшелоны власти.

Только, только... Титанические усилия едва не пошли прахом. Время, время поджигает. Страна, которую Саян выбрал для прогресса и противостояния менгам, в любой момент может сама стать колонией.

Продолжение трилогии «Вкус власти» спустя пять тысяч лет.

Оглавление

Часть 1. Дорога на юг	3
Глава 1. Там, где живёт вечность	3
Глава 2. Новости Большого мира	7
Глава 3. Ролозкий архипелаг	17
Глава 4. Великий Рюкун	24
Глава 5. Страна под кайфом	32
Глава 6. Большой облом	37
Глава 7. Благословленная Тассунара	44
Часть 2. Переводчик купца	55
Глава 1. Большая честь	55
Глава 2. В доме фатрийского купца	66
Глава 3. По ту сторону стен	66
Глава 4. Последняя попытка	67
Глава 5. Страх купца Райдена	67
Глава 6. Перед отплытием	67
Глава 7. Сквозь шторм	67
Глава 8. Заначка	67
Часть 3. Первые ступени	67
Глава 1. Уважаемый торговец	67
Глава 2. Начать своё дело	67
Глава 3. Вялый результат	67
Глава 4. Прорыв	67
Глава 5. Большой переполох	67
Глава 6. «Открыть» страну	67
Глава 7. Бремя великого советника	67
Глава 8. Переговоры	67
Глава 9. Ещё не конец	67
Об авторе	68

Страна восходящей Геполы

Часть 1. Дорога на юг

Глава 1. Там, где живёт вечность

Простой деревянной ложкой Саян аккуратно подцепил последний кусочек варёного мяса вместе с последним венчиком петрушки. Последняя ложка мясной похлёбки словно величайшая драгоценность в мире. Почти холодный бульон легко соскользнул в желудок.

Эх! Деревянная ложка брякнулась о дно пустой миски. Как было бы здорово съесть на обед жаренную индейку с отварным картофелем и залить её бокалом хорошего вина. Не помешал бы и кусок самого обычного ржаного хлеба с кружкой молока. Но! Саян опустил глиняную миску на землю, чего нет, того нет. То, что было, мясная похлёбками со свежей зеленью, уже съедено. Обед закончен. И баста!

Долгожданная весна наконец-то порадовала тёплым деньком. Жилая пещера за долгую зиму изрядно надоела. Не в радость «отопление» и горячая вода. Не долго думая, Саян вытащил на свежий воздух потёртую баранью шкуру и прямо на ней расположился на обед. Держать миску с мясной похлёбкой на весу не очень-то удобно, зато с площадки перед входом в пещеру открывается великолепный вид.

В незапамятные времена большой метеорит врезался в склон горной вершины Станового хребта. На месте падения остался огромный в пять километров шириной кратер, слегка наклонённый к югу. Так появилась живописная горная долина «Там, где живёт вечность».

На дне долины небольшое почти круглое озеро. Многочисленные ручьи с окрестных склонов питают его, однако уровень воды остаётся одним и тем же, как восход прекрасной Геполы каждое утро на востоке. Излишки воды через подземные пещеры уходят в глубь Станового хребта. Лишь в редкие особо засушливые годы уровень воды в озере немного падает. Западный берег озера густо зарос камышами и тростником. В зарослях водятся утки, а в самом озере хватает вкусной рыбы.

На пологих склонах, на широких неровных уступах, растёт лес. Маленькие группки сосен окружают кусты и высокая трава. На скудных пастбищах пасутся бараны, туры и прочие травоядные. Со скалистых склонов на них то и дело поглядывают волки, рыси, барсы.

Жилая пещера находится на южном склоне долины, на высоте более двухсот метров от глади озера. Полдень. Вечные снега и льды на высокой вершине напротив сияют под лучами прекрасной Геполы. Исполинская тень от склона зазубренным кончиком дотянулась до водной глади на дне долины.

Саян нехотя поднялся на ноги. Пейзаж, безусловно, красивый, хоть сейчас бери холст, мольберт и рисуй шедевр. Только, только, Саян подхватил со шкуры миску, за двадцать с лишним лет успел изрядно надоеть.

Сам, сам, всё без исключения сам. Слуг в уединённом горном убежище нет и никогда не было. Вот и эту миску с ложкой придётся отмывать самому. Гигиена прежде всего, до ближайшего знахаря неделя пути по узким горным тропам. А до ближайшего врача и того дальше.

Старая деревянная дверь из серых грубых досок жалобно скрипит под напором ветра из долины. Во внутрь пещеры через широкие окна-щели струится свет. Пусть иллюминация не как в театре, но вполне позволяет обойтись без свечей и факелов. Заодно через окна-щели во внутрь залетает свежий воздух.

Вполне можно было бы найти жильё пониже, ближе к озеру, однако у этой пещеры есть одно очень важное преимущество – горячий источник. Саян поднял небольшой лючок-крышку недалеко от входа в пещеру. В лицо тут же ударил тёплый пар с чуть заметным кисловатым запахом.

Горячая вода поднимается из земных глубин и небольшим ключиком пробивается через трещину в самом дальнем конце жилой пещеры. В своё время, несколько тысяч лет назад, пришлось изрядно потрудиться, чтобы упрятать исходящий паром ручей под каменный пол. Зато теперь в его распоряжении бесплатное отопление и горячая вода для хозяйственных нужд. Даже в самые лютые морозы, когда за старой деревянной дверью воет метель, а на площадке перед входом в пещеру громоздятся большие сугробы, для обогрева и приготовления еды вполне хватает небольшого и очень экономного очага.

Маленьким кожаным ведром Саян зачерпнул горячей воды. Пучок травы и зола отлично оттирают жир со стенок миски. А ведь где-то во внешнем мире, Саян последний раз ополоснул глиняную миску, существует самое настоящее мыло... Такое душистое, красивое, с аппетитной пеной... Не-е-е... Пора, пора, давно пора отправляться в путь дорогу.

Деревянная ложка едва не улетела на пол, Саян в последний момент успел прижать её ладонью к деревянному столу, такому же древнему и серому, как и входная дверь. Да и всё в этой пещере, начиная от письменного стола из большого камня, очага, над которым висит тёмно-красный котелок, и до этой самой ложки, древнее и серое.

Давно это началось. Очень, очень давно.

Около шести тысяч лет тому назад Великий Создатель послал Саяна, а так же двух его бессмертных друзей Ягиса и Ансива, на эту планету. Первые пять сотен лет Саян правил Вилурой, самым первым государством людей на Миреме, которое сам же и создал. А потом яд власти, вседозволенность и всеобщее обожание, доконали его. После очередной нелепой смерти на охоте Саян так и не вернулся на каменный трон всесильного владыки, а ушёл вслед за друзьями в Большой мир. С тех пор он живёт под маской простого смертного, меняя век от века, от жизни к жизни, имена, судьбы, народы, страны.

Почти сразу сложился большой цикл: великая цель под личиной простого смертного, великая месть менгам и отсидка в «Там, где живёт вечность», в глухой горной долине почти святым отшельником.

За сотню лет, примерно столько длится очередная жизнь и великая месть, общество людей надоедает до коллик в животе. Пусть Саян бессмертен, однако многие простые радости простых смертных ему недоступны. Самое печальное Великий Создатель одарил его мужской силой, но так и не дал возможности иметь детей. Бессмертному наследник не нужен.

Отшельничество глубоко в горах позволяет прийти в себя, избавиться от груза прошлого. Каждый раз Саян пишет обширные и весьма подробные мемуары о прошедшей жизни. На бумагу выплёскивается весь негатив, все эмоции и переживания, что накопились за годы жизни среди простых смертных. Отсутствие элементарных удобств и радостей, нормального туалета со стульчаком, бани, жаренных индеек и обычного ржаного хлеба возвращают вкус к жизни. Обычно

хватает двадцати с небольшим лет, реже требуется тридцать и больше. В самый первый раз, больше пяти тысяч лет тому назад, Саян прожил в «Там, где живёт вечность» 42 года, но это рекорд, который так и остался непобитым.

Аскетический образ жизни, здоровое питание и физические нагрузки омолаживают его. Вот и сейчас, Саян улыбнулся собственному отражению в кожаном ведёрке с тёплой водой, на вид ему снова 15 – 16 лет. Лет десять назад сошёл ужасный шрам, который пересекал правую щёку, вновь выросли передние зубы. За двадцать лет самоизоляции отрастают потерянные пальцы и уши, выбитые глаза, исчезает хромота и даже наколки во всю спину.

Прошлой осенью, когда Саян охотился на уток и удил рыбу на озере, в груди вдруг засвербело и заныло жгучее желание вернуться в Большой мир, вновь одеть кожаные сапоги вместо драных самодельных сандалий, и напиться вдрызг ароматного чёрного пива в трактире «Упитанный заяц» в Тивнице, в столице Марнейской империи. До чёртиков, до изжоги, надоело каждое лето готовиться к долгой зиме и каждую долгую зиму безвылазно сидеть в тёплой уютной пещере и писать, писать мемуары, без конца и края вспоминая прожитую жизнь. Но! Ясно и другое: уходить в Большой мир можно и нужно весной, когда в горах растает снег и откроются перевалы. Соваться под осенние дожди, раскисшие тропинки и холодные ночи смерти подобно.

Последние полгода, осень, зиму и начало весны, Саян прожил как на иголках. И вот теперь, с первым по настоящему тёплым весенним днём, действительно настала пора собирать старый вещмешок, закупоривать пещеру и уходить в такой большой и прекрасный внешний мир. Только, Саян хлопнул на место лючок-крышку, до сих пор так и не решил очень важный вопрос – куда идти? Чему и кому посвятить очередную жизнь?

Маленький очаг в глубине пещеры почти догорел. Красные продолговатые угольки покрылись серым пеплом и едва тлеют. Саян бросил в очаг маленькую охапку веток и толстых щепок. Тонкие языки пламени тут же высветили на стене самодельную карту Мирема. Грубую и приблизительную, однако для тяжёлых раздумий в самый раз.

Саян присел на трёхногую табуретку, облезлая ножка противно скрипнула по каменной плитке. Левый неровный круг изображает западное полушарие Мирема. Выше экватора, словно большая клякса, нарисован материк Науран, самый большой на планете. Синяя трещина внутреннего моря Дебар почти делит его на две части. Вдоль восточного берега материка тянется исполинский Становый хребет, где и находится долина «Там, где живёт вечность». Север и центральную часть правой половины Наурана занимает Марнея, Марнейская империя, законная наследница Вилуры.

По другую сторону экватора, на другой стороне тёплого Южного океана, расположился гораздо более скромный материк Чалос. От его восточного берега море Окмара отделяет большой Тассунарский архипелаг. Саян недоволено засопел, от злости и негодования пальцы сами по себе сжались в кулаки. Западную и центральную часть Чалоса заселили менги, не просто заклятые, а личные враги. Лишь в восточной части материка находятся Рюкун, Гунсар и ещё несколько мелких государств людей.

С правым кругом, с восточным полушарием Мирема, связано не так много воспоминаний. Два материка, Ларж на севере и Колбан на юге, больше пяти тысяч лет оставались нетронутыми цивилизацией. В 5389 году Саян сам на каравеллах «Антариас» и «Гонгуры» открыл их. За четыре сотни лет люди заселили Ларж и северную часть Колбана. А вот центр и юг Колбана успели занять менги, чтобы им всем пусто было.

Саян отвёл глаза от самодельной карты. В этом и проблема: пока цивилизация тихо развивалась вдоль реки Акфар и на берегах моря Дебар

особых проблем с выбором жизненного пути не было. Зато теперь, Саян тихо вздохнул, каждый раз перед ним раскрывается огромный веер возможностей.

Последние столетия его буквально терзает и мучает выбор, где же провести очередную жизнь. И каждый раз Саян затягивает решение проблемы буквально до самого последнего дня, как и на этот раз. Пора, пора, давно пора покинуть «Там, где живёт вечность» и отправиться в Большой мир. Только куда?

Может, посвятить очередную жизнь Марнее? Взгляд сам нашёл на карте материк Науран и синюю полосу в его правой части – великую реку Акфар. Хороший вариант. Можно стать чиновником и подняться по карьерной лестнице вплоть до первого советника императора. Только, только, Саян опять печально вздохнул, в предыдущей жизни он и так сыграл ключевую роль в подавлении бунта в Турмане, в главной колонии Марнеи на материке Ларж. Газеты всего мира разнесли весть о нём по всей планете. Ладно бы только весть. Каждая мало-мальски значимая газетёнка сочла за честь напечатать его портрет на главной странице. Изображать двойника и упорно отнекиваться от мнимого родства с самим собой? Ну уж нет! Марнея отпадает.

По этой же причине отпадает материк Ларж. Да-а-а... Саян усмехнулся. Ну и навёл же он там шороху. Далеко не все турманцы согласились с колониальной зависимостью от Марнеи. Пусть с тех пор прошло почти 50 лет, однако не стоит недооценивать народную память. Кто, кто, а упёртые бойцы за независимость уж точно не поверят в его мнимое родство с Саяном Костом, душителем свободы и врагом прогресса.

Или... Саян вновь поднял глаза на самодельную карту Мирема. Северо-восточная часть материка Чалос, где находится Рюкун, самое развитое и самое древнее государство людей на этом материке. Оно же, Саян улыбнулся, самая настоящая цитадель против менгов, заклятых и личных врагов.

Отличный вариант! Саян резво вскочил на ноги. Если заняться Рюкуном вплотную, развить промышленность, торговлю, то он станет ещё более отличным противовесом Дормане, самому развитому государству менгов на западной оконечности материка Чалос.

В последние годы Дормана набирает обороты. Торговые суда дорманцев всё чаще и чаще заходят во многие порты мира. Их не раз видели в Вардин, столице Фатрии, в Дулгане, столице Гилкании, в Амитале, в крупном марнейском порту на берегу моря Дебар. Хуже того! В Сунгаре, в другом крупном порту на восточном берегу материка Науран, Саян сам видел, как пузатый менг-купец с золотистой кожей и четырьмя пальцами на каждой руке сходил с великолепной новенькой, как будто только что со стапеля, каравеллы. Такой важный и упитанный. Так бы и дал в морду! Вон аж до куда добрались, заразы.

Саян дотронулся кончиками пальцев до северо-восточного края материка Чалос. Поверить в собственную удачу, а решение давней проблемы иначе и не назовёшь, так боязно. А вдруг опять передумаешь? Хотя... Решение более чем актуальное. Что-то давно Рюкун не проявляет признаков прогресса. Если в Фатрии во всю бушует промышленная революция, пар и паровой двигатель уверенно теснят лошадей и водяные мельницы, то в Рюкуне до сих пор блаженная тишина. Не исключено, что там до сих пор развитой феодализм, крепостные крестьяне, ремесленники, родовая аристократия и, упаси господи, натуральное хозяйство.

Решено! Саян стукнул кулаком по грубой карте, очередную жизнь он посвятит Рюкуну, государству людей на матерке Чалос. Из него получится великолепный противовес менгам. Чего уж греха таить – для прогресса человечества у Саяна есть горячо любимая Марнея.

Словно гора с плеч. Саян до хруста в позвоночнике потянулся всем телом и расправил плечи. Коль решение принято, значить вперёд и только вперёд! Нужно

будет выбраться из гор, сплавиться по реке Акфар через всю Марнею до Амитала на берегу моря Дебар. А дальше на попутном торговом судне можно будет легко и без проблем добраться до Тургала, столицы Рюкуна. А по дороге, Саян провёл пальцем по гряде островов между Наураном и Чалосом, можно будет заглянуть на Сонпан, самый большой остров Ролозкого архипелага.

Душа жаждет решительных действий. Саян энергично потрянул руками. Кровь бурлит, щёки горят. Так и подмывает с радостными воплями рвануть прочь из уютной пещеры, прочь из горной долины! Но нельзя. Саян, сжав кулаки, крикнул с досады. Прежде нужно спрятать все ценные вещи и собрать в дорогу вещмешок с припасами. Закупорить камнями и дёрном вход в пещеру – еще та работёнка. Да, Саян наклонил голову, ещё сандалии новые сделать. Эти почти развалились. Выделанная кожа пошла слоями и трещинами. Такая обувь не выдержит недельного перехода по горам. Как ни крути, Саян печально вздохнул, дня на два-три, а то и на целую неделю, придётся задержаться.

Саян вышел из пещеры на свежий воздух. Лёгкий ветерок со дна долины приятно остужает лицо и треплет волосы. Зазубренная тень от склона уже отползла от берега озера. Думать о будущем нужно всегда, Саян остановился на краю площадки перед пещерой, только так можно избавиться от страха перед ним.

Миром находится на пороге грандиозных событий. Паровые двигатели, мануфактуры, поезда – это и многое другое уже есть во Фатрии и Гилкании, в наиболее развитых странах на севере материка Науран. Стирия, некогда колония Фатрии на материке Ларж, изо всех сил тянется за бывшей метрополией. Жалко Марнея, как обычно, отстаёт. Впрочем, не на столько, чтобы снова братья за неё.

Если вспомнить историю старушки Земли, то до безумного века, века мировых войн и грандиозных схваток за власть над миром, века глобальной экономики и мировых финансовых кризисов, рукой подать. Как знать, может ещё нескоро доведётся вновь вернуться в тишину и покой «Там, где живёт вечность». Кажется, или нет? Саян протёр кулаками глаза. Живописная горная долина с голубым пятном-озером на дне вновь заиграла яркими красками.

Глава 2. Новости Большого мира

– Утус, ваш заказ.

Половой, молодой парень в белой рубашке в обязательном фартуке из-под которого выглядывают чёрные штаны, принялся ловко выкладывать на стол заказ. Упитанная жаренная индейка на большом глиняном блюде. Золотистая кожа блестит от жира и масла. Вокруг тушки в живописном порядке разложены большие ярко-жёлтые клубни отварного картофеля.

Саян потянул носом. О-о-о... Божественно! Руки затряслись от желания придвинуть к себе глиняную тарелку и... Ложной! Ложкой! Ложкой!

Последними на столе появились литровая бутылка молока с широким горлышком, стеклянная кружка и ржаной хлеб на маленькой плоской тарелочке. Четвертинка ржаного каравай порезана тонкими ломтиками.

– Приятного аппетита, уважаемый, – половой угодливо поклонился.

– Благодарю вас, – в ответ торопливо буркнул Саян.

К чёрту этикет. Саян выдернул стальную ложку из белоснежной салфетки. Да-а-а.. Столовый прибор начищен до блеска. Паршивенькие трактирчики и замызганные харчевни ни что по сравнению с губернским «Приютом странника». Ребром ложки, словно мечом, Саян разрубил самый большой картофельный клубень. Из мягкой сердцевины вырвалось крошечное облачко пара.

Обычный трактир на первом этаже обычной гостинцы кажется храмом еды. Хотя, если разобраться, заведение средней руки. За соседними столиками чинно

обедают может быть и вполне уважаемые жители Юдвины, административного центра Юдвинской губернии, только они точно не самые богатые горожане. Да и ладно. Саян подцепил начищенной ложкой половинку картофельного клубня.

Жаренная индейка – самое настоящее чудо на растительном масле. На развёрнутую салфетку Саян бросил обглоданную косточку и тут же оторвал от тушки правое крылышко. Сочное мясо тает во рту, лучок и петрушка придают индейке дополнительный аромат. Саян отломил маленький кусочек ржаного хлеба. Хлеба! Господи, как же не хватало этого простого ржаного хлеба в горном убежище «Там, где живёт вечность».

Семь дней узкими горными тропами Саян добирался до села Верхний Волачар, что находится в маленькой горной долине на Сидепском перевале. Ещё девять дней ушло на дорогу до столицы Юдвинской губернии.

Юдвина – небольшой старинный можно даже сказать древний город. Первое поселение на месте слияния рек Аксор и Харужа возникло больше пяти тысяч лет назад, с тех самых пор, как возник торговый путь из Великоросской равнины по Сидепскому перевалу через Становой хребет на побережье Бескрайного океана.

Город возник как перевалочный пункт. Аксор лишь до места слияния с Харужой судоходен. Выше по течению начинаются многочисленные пороги и перекаты предгорья Станового хребта. Какое тут судоходство.

Во время долгого пути из «Там, где живёт вечность» до Юдвины Саян прошёл и проехал много деревень, несколько более крупных сёл и пару тихих городков. Но только здесь, в губернском городе, наконец чувствуется цивилизация, начинается Большой мир.

Из убежища в горах Саян прихватил небольшой кошелек с деньгами. Не то, чтобы много, да много и не унести, однако вполне достаточно для комфортного путешествия в качестве пассажира в почтовой карете или на речном судне. Но лучше экономить. Путь до Рюкуна неблизкий, на другой конец света, через два моря и океан.

Ещё в Верхнем Волачаре Саян избавился от древних обносок, штаны и куртка из козьих шкур благополучно улетели в огонь. У деревенского лавочника удалось купить приличные сапоги, штаны, рубашку и почти новый красный кафтан с большими карманами. И лишь в Юдвине в магазине готового платья Саян наконец-то облачился в новенький короткий сюртук тёмно-синего цвета, брюки и ботинки. Может быть и лишняя трата, но, чёрт побери, насколько же приятно ступать по деревянному тротуару не в самодельных сандалиях, не в тяжёлых сапогах, а в лёгких почти невесомых ботинках.

Сюртук обладает ещё одним очень важным достоинством – под него удобно прятать «Последний аргумент», набор боевых ножей и сюрикэнов. В жизни далеко не все дела и проблемы можно решить силой. К сожалению, хватает людей, которые понимают только грубую силу.

Церемониал возвращения в Большой мир давно отработан. Вторым пунктом после магазина готового платья следует цивилизованная еда желательно с хорошим обслуживанием. Целых полчаса Саян кружил по Юдвине в поисках приличного заведения. Выбор пал на «Приют странника» не только потому, что запахи жаренной индейки разлетелись по всей Податной улице. Гораздо важнее другое – через двойные двери с большими стеклянными окнами, в углу возле вешалок, Саян заметил деревянную стойку с газетами.

Третьим пунктом после приличной одежды и сытного обеда идут новости Большого мира. Саян, не раздумывая больше, толкнул большую дверь в «Приют странника». Двадцать три года – более чем приличный срок. За это время в Большом мире могло произойти всё, что угодно, начиная со смены правящей династии Марнейской империи и до падения крупного метеорита в джунглях Нарвуны, самого развитого государства менгов на материке Чалос. Быть в курсе

текущий событий полезно для здоровья. Ни раз и ни два бывало, что уже после знакомства с новостями из Большого мира приходилось менять великую цель очередной жизни.

Полезную услугу владелец «Приюта странника» перенял из Гилкании. Газеты и журналы он покупает не только для себя, но и для посетителей трактира. Достаточно заказать хотя бы стакан чаю с булочкой, чтобы получить право взять газету и прочитать её совершенно бесплатно. Чем посетители «Приюта странника» охотно пользуются. На случай, чтобы по рассеянности или специально газеты не унесли, каждая из них закреплена на манер флага на толстой палке.

Упитанная индейка успокоилась на дне желудка, на белой салфетке осталась лишь горстка обглоданных косточек. Картофель съеден. Остатки молока Саян вылил в стеклянную кружку. На сытый желудок тянет почитать. Ещё при входе в заведение Саян заметил на стойке «Ведомости», столичную газету, которая обычно печатает статьи на общественно-политические темы и международные новости. Последнее самое важное.

«Ведомости» выходят в Тивнице, однако газета широко расходуется по всей Марнее и за её пределами. Губернские газеты и журналы часто перепечатают её статьи. Но, как назло, свежий выпуск «Ведомостей» прямо из-под носа увёл интеллигентного вида мужчина лет сорока – сорока пяти. Бородка клинышком, среди чёрных волосков то и дело попадаются седые прядки. Тёмный сюртук сшит точно по фигуре. На левой груди блестит цепочка карманных часов.

Посетитель «Приюта странника», возможно местный учитель, неторопливо перелистывает «Ведомости». Перед ним на столе чашка кофе и пирожное в маленькой тарелочке. Придётся ждать, Саян отхлебнул из кружки прохладного молока. На стойке у вешалки остались «Новости Юдвины» и ещё пара местных газет. Там же висит «Деловой вестник», ещё одна общегосударственная газета, только она публикует в первую очередь биржевые сводки, обзоры рынков и коммерческие предложения для крупных оптовиков.

Минута за минутой Саян медленно и терпеливо тянет молоко. Наконец посетитель повесил «Ведомости» обратно на стойку. Пора! Саян тут же сорвался с места. Повезло. Буквально на пару шагов удалось опередить другого любителя бесплатного чтения. Старичок с густыми седыми бакенбардами в зелёном далеко не новом вицмундире мелкого чиновника недовольно засопел, но ругаться не стал и молча сел обратно за свой стол с початой чашкой чая и надкушенным бубликом.

Вообще-то старость надо уважать, Саян вернулся за столик и, подняв руку, щёлкнул пальцами, но только не в этот раз. Посетитель с седыми бакенбардами наверняка давно на заслуженном отдыхе, подождёт часок другой.

– Чего изволите? – возле столика тут же возник половой, на лице угодливая мина и страстное желание услужить дорогому посетителю.

– Счёт, пожалуйста, – Саян развернул газету.

Раз за обед уплачено, то он имеет полное право прочитать «Ведомости» совершенно бесплатно. Половой сунул в карман штанов пятнадцать совиртов чаевых и тут же испарился.

«Ведомости» – одна из старейших газет. В меру консервативный официальный орган правительства. Саян разложил газету на столе. Оформление за двадцать три года ничуть не изменилось. А вот качество бумаги, Саян пощупал край газетного листа, стало заметно лучше. Да и шрифт больше не осыпается в местах сгиба. Прогресс.

Саян быстро пробежал глазами крупные заголовки – ничего интересного, сплошная текучка. На прошлой неделе в Тивнице прошли какие-то там великосветские приёмы. Император Айнар 7, да не покинут глупые волосы его

умную голову, вновь блистал безукоризненным мундиром и манерами. Так... Какого-то там министра отправили в отставку, а, может, выперли. Чёрт с ним. В Сунгаре, самом крупном городе-порте на берегу Бескрайнего океана, спустили на воду новый линейный корабль. Приятно, когда родная Марнея становится сильнее, только это не то. Ага! Раздел международных новостей. Это гораздо интересней. На третьей странице броский заголовок: «Софран наконец-то освобождён от мятежников».

Софран, Саян скосил глаза в сторону, это на материке Ларж на берегу Янтарного океана, один из крупнейших городов Стирии. Морской порт, рядом с городом огромные хлопковые плантации, развитая торговля. Саян углубился в чтение.

Вот это да! Саян тряхнул «Ведомости», газетные страницы едва не треснули. В Стирии бушует самая настоящая война. Причём доблестные стирийцы противостоят не внешнему врагу, а внутреннему. Так... Саян расправил страницы. Очень интересно. Стирийцы-люди вот уже не первый год воюют со стирийцами-менгами.

В южных штатах Стирии процветает самое настоящее рабство. На хлопковых плантациях, которыми так гордится юг страны, трудится огромное количество рабов. Причём владельцами плантаций выступают исключительно люди, а рабами на них – менги, так похожие на людей, но всё равно не люди.

Так было и двадцать три года тому назад, когда Саян ещё только направлялся в глубину Станового хребта в «Там, где живёт вечность». А в настоящее время менги подняли бунт. Даже хуже – самое настоящее восстание. Нужно отдать должное вчерашним рабам – они добились впечатляющих успехов, если даже «Ведомости» называют происходящее войной, а не подавлением бунта. Да и как же назвать иначе, если на юге Стирии менги создали ни много, ни мало, а самое настоящее государство Янгор. Охренеть! Саян глухо стукнул кулаком по столу.

Древний враг опять поднял голову. Неужели на этот раз у них получится? Саян поправил газетные листы. К сожалению, статья лишь сообщает о битве за Софран. Правительственные войска, читай – люди, разгромили армию менгов в полевом сражении перед городом. После, не смотря на отчаянное сопротивление бывших рабов, сумели их выбить из самого Софрана. Только непонятно, когда началась война, как долго она идёт и с каким успехом? Статья подразумевает, что читатели и так в курсе событий. Только ни один читатель не провёл в строгой изоляции двадцать три года. Что делать?

Саян поднял голову. Посетитель, который до этого читал «Ведомости», собирается уходить. Вот уже половой в угодливом поклоне отошёл от его стола. Саян вновь сорвался с места.

– Добрый день, уважаемый, – Саян остановился возле интеллигентного вида мужчины.

– Добрый день, тус. Чем могу служить?

Мужчина уже убрал во внутренний карман бумажник и хотел было подняться из-за стола. Появление незнакомца его не обрадовало.

– Прошу прощения за беспокойство, – Саян вежливо склонил голову. – Я только сегодня утром добрался до Юдвины, дабы наняться матросом на какое-нибудь судно. Ну а так как я обучен грамоте, то не смог пройти мимо «Ведомостей» и вот этой статьи.

Саян разложил газету на столе перед незнакомцем.

– К стыду своему, я не имею ни малейшего понятия об этой войне, – Саян ткнул пальцем в статью. – Не могли бы вы, уважаемый, объяснить мне суть происходящих в Стирии событий. Смеею предположить, вы регулярно читаете «Ведомости» и должны быть в курсе.

Немного витиеватая речь произвела на незнакомца хорошее впечатление. Он не выглядит рассерженным. Видать, интеллигентного вида мужчина ни как не ожидал от простого работяги столь изысканного слога. Саян вежливо, но без подобострастия, улыбнулся.

– Скажите, – незнакомец смерил Саяна оценивающим взглядом, – если вы небогатый юноша, то почему обедаете здесь, в «Приюте странника»? Любой трактир в порту был бы вам по карману.

– Шикую, утус, – тут же ответил Саян.

– Простите? – незнакомец нахмурился.

– Не так давно мне удалось заработать пару лишних виртов, – Саян охотно пустился в объяснение. – Только вместо того, чтобы спустить их на дешёвую выпивку и дурную закуску в каком-нибудь портовом кабаке, я решил хотя бы разок пообедать в солидном заведении как самый настоящий витус. Вот, – Саян одёрнул сюртук за лацканы, – даже костюмчик раздобыл по случаю. И, знаете, обед в этом солидном заведении того стоит.

Мне и раньше приходилось закусывать индейкой. Но здесь её так чудно зажарили, да ещё со специями и картошкой. Здесь даже ржаной хлеб пекут особому, более мягко и вкусно. И уж точно мне ни разу в жизни не приходилось давать на чай. Ну, разве что, получать. Иногда.

Саян смущённо улыбнулся, как ребёнок, которого застукали с надкусанной шоколадкой в руке.

– Как мне много раз говорил утус Монс, мой школьный учитель: «Прежде, чем к чему-то стремиться, попробуй это на вкус. Тогда будешь точно знать, хочешь его или нет. Если хочешь, тогда добьёшься его гораздо быстрее».

Последняя фраза вызвала на губах незнакомца улыбку. Наверно он сам из низов. Даже по фракам и сюртукам посетителей видно, что настоящие витусы в «Приюте странника» не обедают. Только откуда это знать бедному юноше, который пришёл в трактир средней руки шиковать.

– Хорошо. Разрешите представиться: Одий Вушич Висар, – незнакомец вежливо поклонился, – преподаватель истории и географии в Гимназии номер два.

Точно преподаватель – тем лучше. Саян поклонился в ответ:

– Саян Яргич Ингал, из деревни Верхний Воланчор. Можно просто Саян.

– Это..., – утус Висар задумчиво наморщил лоб, – на Сидепском перевале?

– Да, уважаемый.

– Прошу вас, – утус Висар показал на свободный стул возле своего столика, – присаживайтесь.

Саян, гремя от смущения стулом, присел на предложенное место.

– Простите, – рядом со столом появился старичок в зелёном вицмундире, – если вы уже прочитали, то, разрешите, я возьму.

– Конечно, конечно, уважаемый, – Саян торопливо сложил «Ведомости».

Ворчливый старичок тут же подхватил газету и отвалил. В последний момент Саян едва успел увернуться от набалдашника толстой палки, к которой приделаны «Ведомости».

– Итак, тус Ингал, – утус Висар расправил плечи, – как именно вы желаете услышать моё объяснение? Коротко, или со всеми подробностями?

– Если можно, – Саян на секунду призадумался, – то со всеми подробностями. Конечно, уважаемый, если у вас будет на то время.

Утус Висар вытащил из кармана круглые часы. Крошечные часовые стрелки рельефно выделяются на белоснежном фарфоровом циферблате.

– Коль вы не только любопытны, но и хорошо воспитаны, – утус Висар с щелчком захлопнул часы, – так и быть, время будет.

Словно на уроке, Саян выпрямил спину и сложил руки перед собой. Пусть утус Висар рассказывает как можно подробней. Слушать не трудно, заодно можно будет узнать что-нибудь новенькое.

Утус Висар рассеянно глянул по сторонам и через плечо. Наверно для полноты ощущений учителю истории и географии не хватает школьной доски с большой географической картой и длинной указки с отполированной ручкой. Хорошо поставленным голосом, чтобы даже ученики на задней парте отлично его слышали, утус Висар заговорил:

– Надеюсь, вы знаете, что ещё в первой половине 54-го века переселенцы из Фатрии, это государство на западном побережье нашего материка Науран, начали заселять материк Ларж?

– Да, утус, – Саян кивнул.

– Отлично. А вот что вы наверняка не знаете, так это то, что у переселенцев буквально с первых же дней на новой родине возникла большая нужда в рабочих руках. На юге современной Стирии ещё в те далёкие времена начали разводить хлопок в больших количествах. Мануфактуры Стирии требовали всё больше и больше хлопка-сырца. А ведь тогда ещё нужно было очистить будущее поле от леса, выкорчевать пни и вспахать землю. Естественно, богатые владельцы плантаций пытались принудить бедных к тяжёлой физической работе, только ничего у них довольно долго не получалось.

Во Фатрии до сих пор полно бедных людей. В 54-ом веке их было ещё больше. Доведённые до отчаянья бедняки охотно вербовались на работу на хлопковых плантациях по ту сторону Янтарного океана. Но! – глаза утуса Висара весело заблестели. – Едва работники достигали возделанных берегов, как почти сразу уходили, а, точнее, буквально убегали от работодателей.

– Это почему же? – Саян поднял руку. – Неужели ни десятские, ни сотские их изловить не могли?

От такой наивности утус Висар едва не расхохотался. Дабы скрыть неловкий смех, преподаватель гимназии прикрыл рот ладошкой и раскашлялся.

– Ларж, – утус Висар наконец прокашлялся, – до сих пор до конца не заселён. А в те времена он был почти пуст. Зачем, спрашивается, бедняку из Фатрии гнуть спину на чужой хлопковой плантации, если он может очистить от леса и возделывать свой собственный клочок земли. Власть закона и полиции не распространялась на едва тронутые цивилизацией территории.

– А-а-а! – сообразил Саян. – Это как у нас Вижан в горы убежал. Утус Павут, наш сотский, его даже искать не стал.

– Верно, – утус Висар улыбнулся. – Так вот. Со временем владельцы хлопковых плантаций нашли выход – менги.

На севере материка Чалос находится несколько государств менгов: Яргуна, Силкония и, особенно, Дормана. Правят ими деспотичные султаны и шахи. Никаких войн, никаких захватов и охотничьих экспедиций не потребовалось. Фатрийцы договорились с местными деспотами и начали скупать у них подданных. По началу осуждённых. После, когда султаны и шейхи вошли во вкус, всех подряд. Слышал о знаменитом Золотом треугольнике?

– Э-э-э, – Саян скосил глаза в сторону. – Да, слышал. Дед Риал сказывал о таком треугольнике. Там людей, то есть менгов, на ножи и вилки меняют.

– Если быть точнее, на промышленные товары, – поправил утус Висар. – Во Фатрии торговцы покупают ножи, вилки, гвозди, ткани, часы с кукушками, прочие промышленные товары и везут из на север материка Чалос. Государства менгов отсталые, там охотно эти самые промышленные товары покупают. Взамен торговцы берут менгов-рабов и везут их в Стирию.

В Стирии торговцы продают менгов-рабов на специальных невольничьих рынках. На вырученные деньги они закупают хлопок-сырец и возвращаются во

Фатрию. Паровым мануфактурам требуется много сырья. Торговцы продают хлопок-сырец с большой выгодой.

С каждым новым витком по Золотому треугольнику торговцы зарабатывают всё больше и больше денег. Так на юге Стирии оказалось огромное количество менгов-рабов. Ты когда-нибудь видел менгов?

– Э-э-э, – протянул Саян, вопрос едва не застал его врасплох. – Нет, утус. Только слышал, что они шибко на людей похожи. Золотые...

– Золотистые, – поправил утус Висар.

– Да, золотистые, – согласился Саян. – И на руках не пять пальцев как положено, а всего четыре.

– Верно, – лицо утуса Висара светится от радости, будто Саян ответил на трудный вопрос на пять. – Люди и менги очень похожи, однако мы относимся к разным видам.

– Это как?

– Ну-у-у... – утус Висар глянул через окно на улицу, – как коровы и лошади. Вроде и те и другие на четырёх копытах, травой из одного корыта питаются, а всё равно разные. Мы и менги никогда не сможем слиться в один народ.

– А! Ну да, я слышал об этом: детей не бывает, – Саян смущённо улыбнулся.

– Похабник, – утус Висар шутя погрозил пальчиков. – Но да, действительно: детей не бывает.

По этой самой причине менгов-рабов заставляют работать самым беспощадным образом. Различные гуманисты и просветители ни раз и не два призывали покончить с рабством, с этим позором, пережитком прошлого. Но... – утус Висар взял эффектную драматическую паузу, – владельцев хлопковых плантаций интересует прибыль, только прибыль и ничего кроме прибыли.

Менги много, много раз поднимались на бунт. Только стирийцы топили эти выступления в крови. Недовольных забивали насмерть, вешали в назидание остальным, а взамен убитых покупали всё новых и новых рабов. Но так не могло продолжаться вечно.

В 5732 году, то есть три года тому назад, менги подняли не просто очередной бунт с лопатами и мотыгами, а самое настоящее восстание с ружьями и саблями. Всё то озлобление и ненависть, что копились долгие четыре сотни лет, разом выплеснулись наружу.

Как мы теперь точно знаем, восстание было хорошо подготовлено и организовано. Менги-рабы поднялись как один! – утус Висар рубанул воздух воображаемой шашкой. – В первый год люди и менги разделились. Первые в ужасе бежали на север, вторые, соответственно, на юг. Так на юге Стирии возник Янгор, самое настоящее государство менгов. Там даже министерство народного образования есть.

В Янгор вошли самые развитые сельскохозяйственные штаны Стирии. Естественно, сама Стирия не смирилась с таким поражением. Через год после начала восстания разразилась самая настоящая война, которая длится до сих пор.

Утус Висар умолк. Саян нахмурился. В душе бурлят гнев и недовольство. Государство менгов на юге материка Ларж – дело гораздо более серьёзное, чем казалось сначала. Менги в качестве рабов на хлопковых плантациях ещё куда ни шло, хотя тоже не дело. А вот собственное государство – это уже ни в какие ворота.

Может, пока не поздно, передумать? Посвятить очередную жизнь великой мести? Если утус Висар прав, то у Янгор есть все шансы на победу. Если рядовые людей, по-крупному счёту, сражаются за имущество и деньги владельцев плантаций, то рядовые менги за свободу и жизнь.

– Тус Ингал, что с вами? Неужели мой рассказ произвёл на вас столь сильное впечатление?

– А? Что? – Саян очнулся от размышлений. – Простите, вы что-то сказали?

– Я спросил, неужели вы такой впечатлительный? – с улыбкой повторил утус Висар.

– Скажите, уважаемый, – Саян пропустил вопрос утуса Висара мимо ушей, – как по-вашему, у менгов есть шансы на победу?

Утус Висар тяжело вздохнул, глубоко и печально. Так вздыхает врач у постели смертельно больного, которому осталось жить не больше недели. В едином выдохе соединились тоска и обречённость.

– Признаться, я симпатизирую менгам, – тихо произнёс утус Висар. – Никакие деньги не могут оправдать эксплуатацию человека человеком. Да, да, вы не ослышались: менги – то же люди, пусть у них золотистая кожа, а на руках на один палец меньше. Мне очень хотелось бы, чтобы менги Стирии обрели свободу. Ведь они так страдали, так долго ждали её. Но! – утус Висар нервно развёл руки в стороны. – Их справедливая война обречена на поражение.

Аж на сердце отлегло! Саян с трудом подавил радостный вопль.

– Утус Висар, если вы всей душой желаете менгам добра, то почему же вы так уверены в их поражении?

– Видите ли, тус, на юге Стирии растёт не только хлопок. А ещё великолепный виноград, кукуруза, рис, арахис и ещё множество других культур. Только почти вся промышленность осталась на севере Стирии под властью людей. С вилами и мотыгами против ружей и пушек много не навоюешь. Увы! Пули и порох не растут на деревьях.

Менги Янгора находятся в одиночестве. Пусть всё прогрессивное человечество Мирема публично выражает им поддержку, но ни одно государство, ни одно правительство не прислало им на помощь ни одного ружья, килограмма пороха или хотя бы старого гвоздя. Даже Дормана, самое развитое и богатое среди государств менгов, и та предпочла не портить дипломатические отношения ни со Стирией, ни тем более с Фатрией. Чего уж говорить о других государствах менгов. Деспотичные султаны и шейхи лишились обильного источника доходов. Если менги Стирии не сдадутся в плен, то их физически уничтожат. Увы!

Утус Висар вновь тяжело вздохнул. Учитель истории и географии несомненно считает себя прогрессивным человек. Только, к счастью, не он и не такие как он вершат историю.

– Приятно было с вами познакомиться, тус Ингал, – утус Висар поднялся из-за стола. – А теперь мне действительно пора идти. Дела. Всего вам наилучшего.

– Благодарю вас за столь обстоятельное и подробное объяснение, – Саян поднялся следом. – Всего вам наилучшего.

Утус Висар покинул «Приют странника». Входная дверь закрылась за его спиной с печальным скрипом. Саян в глубокой задумчивости машинально сел обратно за стол. Что же делать? С одной стороны...

– Будете заказывать? – рядом со столом возник половой.

– А? Что? – встрепенулся Саян. – Нет, простите. Я уже отобедал и расплатился. Всего вам хорошего.

– Приходите ещё, – половой льстиво улыбнулся.

На Податной улице во всю бушует весна. Саян расстегнул пуговицы на новеньком сюртуке. Лёгкий ветерок приятно омывает грудь и остужает разгорячённую спину. Деревья вдоль тротуаров оделись в плотную ярко-зелёную листву. На многочисленных газонах в полный рост поднялась ещё ни разу не кошенная трава. Через грохот телег, повозок и людской гомон пробивается щебетание воробьёв.

Время приостановить работу и как следует перекусить. Из распахнутых окон домов, приоткрытых дверей трактиров, чайных то и дело долетают запахи жаренного мяса, хлеба, лука, чеснока, свежего пива.

Весна! Саян глубоко вздохнул прохладный воздух. Сейчас бы скакать и радоваться жизни. Пригласить какую-нибудь красотку на свидание, на романтическую прогулку в парке или набережной.

Кстати, о набережной. На очередном перекрёстке Саян повернул в сторону речного порта. Что же делать? Не смотря на все его старания на протяжении почти шести тысяч лет менгам удалось заселить две трети материков Чалос и Колбан. Эх! Саян зло пнул капустную кочерыжку. Нужно было в своё время покончить с работорговлей в Стирии, считай, с эмиграцией менгов на материк Ларж. Ведь знал же, чем оно может закончиться и закончилось.

– Держи!!! Хватай!!!

Грохот и треск взрывной волной прокатились по узкой улочке. Саян вздрогнул от неожиданности. Что это было?

– Ты что, скотина, наделал?!!

– Так, витус, они сами упали!

Саян нервно рассмеялся. За раздумьями не заметил, как ноги сами принесли в речной порт Юдвины. Возле причала порушенный штабель пустых бочек. Мужчина лет пятидесяти с окладистой бородой в добротной шерстяной рубашке навыпуск на чём свет стоит ругает простого работягу в грязной холщовой рубашке и драных штанах.

– Смотри у меня! – мужик с бородой потряс перед носом работяги пудовым кулаком. – Вычту из заработка!

– Так, витус, в порядке же все. Ни одна бочка не треснула, – пугливо оправдывается работяга.

Саян пошёл дальше. Речной порт живёт обычной жизнью. У длинных причалов пришвартованы баржи и парусники. Вереницы грузчиков перетаскивают на суда и обратно на берег мешки, кули, кирпичи, брёвна и прочие грузы. Толстые доски настилов мелко трясутся под их тяжёлыми шагами.

Саян остановился на самом краю набережной. Внизу между каменной стеной причала и бортом деревянной баржи лениво плескается вода. Малюсенькие волны словно пытаются взобраться по массивному камню, но только бессильно откатываются назад в реку. А вот этого двадцать три года назад ещё не было.

Носком ботинка Саян поддел колотую щепку. Набережная и причалы обделаны камнем. Не иначе городские власти наконец-то поняли, за чей счёт пополняется казна Юдвины.

Причалы тянулся вдоль берега. На ту сторону Станового хребта к побережью Бескрайнего океана идёт огромное количество грузов. А это что такое? Саян от удивления вытянул шею. Из глубины порта над крышей пакгауза поднимается чёрный стол дыма.

Неужели пожар? Саян рассеянно глянул по сторонам. Мимо вразвалочку прошёл матрос. Рядом бородатые мужики в лаптях и полосатых штанах затаскивают на борт баржи струганные доски. Порт живёт обычной жизнью. Никто и не думают поднимать тревогу, хватать багры и вёдра.

Тем более странно, Саян повернулся в сторону дыма. Баржи и парусники, штабеля досок и бочек, крыши и стены пакгаузов – всё из дерева. Стоит тёплый сухой день. Не дай бог красный петух крылом взмахнёт. Да и город рядом. Это же столько делов будет. Однако порт упорно не обращает внимания на чёрный столб дыма. А это уже интересно, Саян прибавил шагу.

Из-за угла серого пакгауза открылось чудное зрелище. Саян замер от удивления. На каменном причале работает, пытит паром самая настоящая машина. Балка, крюк, чёрные от смолы канаты. В кабине молодой человек лет

двадцати пяти с заливчатскими усиками и задорно сдвинутой набок фуражке увлечённо дёргает рычаги.

Так, это же, Саян тихо захихикал, кран. Паровой кран. Из толстой короткой трубы в задней части кабины валит чёрный дым. Ещё четверть века назад довелось читать в научном журнале о паровых машинах из Фатрии. Там что-то крутили, вроде воду из шахт откачивали.

Ну, Саян подошёл ближе, точно из Фатрии. Его тут же обдало теплом, из-под кабины вырвалось облачко пара. На стальном боку парового крана эмблема: полукруглый котелок над символическим костром с тремя языками пламени, а сверху молоток. Над эмблемой надпись на фатрийском: «Экор. Паровые машины». Наверно та самая компания, что выпускает паровые краны.

Недалеко от крана на старом бочонке скучает старичок в коротком полушубке. То ли сторож, то ли смотритель порта, то ли просто любопытный зевака.

– Скажите, уважаемый, – Саян остановился возле старичка, – что это такое?

Старичок смерил Саяна презрительным взглядом, словно перед ним деревенский дурачок с наивным вопросом почему вода мокрая.

– Это фрийский кран на пару, понимаешь, – высокомерно протянул старичок. – Его витус Липадос из самой Фритии привёз, понимаешь. Вот до чего техника дошла, ни черта ты не понимаешь.

А действительно, Саян вновь уставился на пыхтящую машину, до чего техника дошла. Паровой кран за раз поднимает большую связку брёвен, плавно переносит её через борт баржи и аккуратно опускает через распахнутый люк прямо в трюм. Судя по коре, горный кедр – ценный товар в центральных и южных районах Марнеи. Молодой механик в кабине разом заменяет пару десятков дюжих грузчиков. Лишь двое помощников на пристани строят толстыми канатами брёвна, да ещё двое в трюме баржи складируют их.

Для сравнения, дальше по причалу стоит ещё одна баржа. С борта на берег перекинут широкий помост. Привычная вереница грузчиков вытаскивает из трюма мешки и складывает их внутри распахнутого пакгауза. Бородатые мужики словно посыпаны мелом с ног до головы. Не иначе в мешках мука.

Радость и облегчение, словно тяжёлый куль с плеч долой. Саян улыбнулся. А, ведь, учитель гимназии прав: прошли те времена, когда победу или поражение в войне определял воинский дух армии. Теперь на первое место вышла промышленная мощь. Какими бы отчаянными и храбрыми не были бы вчерашние рабы, только с топорами и вилами им ни за что не выстоять против стирийцев с ружьями и пушками. Порох и пули на деревьях действительно не растут.

Чёрт с ней, со Стирией, Саян в сердцах махнул рукой. Сами справятся. Это даже к лучшему, если война с бывшими рабами затянется на десяток другой лет. Рюкун, будущий форпост против менгов на материке Чалос, гораздо важнее.

На душе сразу же стало легко и свободно, хоть песню затягивай. Саян широко улыбнулся. Решение принято, сомнения прочь.

– Скажите, уважаемый, – Саян вновь повернулся к важному старичку, – куда направляется эта баржа?

– Вестимо куда, понимаешь, – старичок недовольно затряс седой бородой. – В Тивницу, куда же ещё?

Тивница, Саян сощурился. Отличный вариант, как раз по пути.

– А не подскажите, где можно найти её капитана?

– Так вот же он, глаза разуй, понимаешь, – старичок кивнул в сторону баржи, – утус Рант на палубе стоит, погрузку бдит, понимаешь.

– Благодарю вас, – Саян вежливо поклонился.

С борта баржи на пристань вместо трапа переброшен грубо сколоченный настил. Толстые длинные гвозди не просто загнута в сторону, а забаранины.

Саян вступил на палубу баржи. Хорошие работники всегда нужны. Если удастся договориться с капитаном Рантом, то недели через две можно будет сойти на берег уже в Тивнице. Пусть путешествие не будет лёгким и комфортным, зато пропитание и кров за счёт владельца баржи.

Глава 3. Ролозкий архипелаг

– Саян! Ну ты же великолепный матрос! Сообразительный, исполнительный. Ну на хрен тебе на берег сходить? Ну что ты забыл в этой богом забытой Пасме? Давай, я лучше тебе жалованье чуток накину.

В голосе витуса Биота, капитана брига «Бородач», сквозит затаённая надежда. Даже не верится, будто капитан, огромный представительный мужик с обветренным лицом и короткими сильными руками, может кого-то о чём-то просить.

– Прошу прощения, витус, – Саян слегка поклонился, – но мне как раз очень нужно в эту богом забытую Пасму. Я нанялся к вам матросом не ради денег, хотя вы очень щедрый капитан, а ради возможности доплыть до Сонпана как можно дешевле. Ну и заработать, по возможности, – добавил Саян.

Вот если бы ваш великолепный «Бородач» направлялся бы несколько дальше, в Рюкун, то я с превеликим удовольствием остался бы под вашим началом. А так вы через пару дней повернёте обратно в Амиталу. А что я забыл дома?

– Ну да, – капитан брига печально отвёл глаза, – торговля, заказы, товары... Пропади они все пропадом! Мне бы так путешествовать по миру. Ну да ладно. Вот твой заработок.

Из потёртого кошелька на поясе витус Биот вытащил серебряный вирт. Почти новенький, монета не успела потемнеть от времени.

– Благодарствуйте, – Саян спрятал монетку во внутренний карман просторной рубашки с длинными рукавами. – С вашего позволения, я пошёл. Удачи вам в пути.

– Ну ты, это, возвращайся, если передумаешь. Предложение о прибавке в силе! – крикнул капитан во след.

Саян аккуратно закрыл за собой дверь в каюту капитана. Да-а-а... За тысячи лет он в совершенстве овладел ремеслом матроса. Ни раз и не два приходилось самому водить торговые суда и даже командовать боевыми кораблями. Однако по-настоящему, всей душой, Саян море так и не полюбил. Если только позволяют средства и обстоятельства, то он предпочитает путешествовать пассажиром.

На верхней палубе брига тропический зной и влага окутали словно сырое ватное одеяло. От тёмных досок под ногами дрожащими струйками поднимается тёплый воздух. Если приглядеться, то кажется, будто «Бородач» дрожит и растворяется в воздухе. Остров Сонпан, на восточном берегу которого раскинулась Пасма, находится в тропиках. Коренные жители понятия не имеют, что такое снег и как он выглядит.

На палубе брига царит образцовый порядок: люки задраены, паруса убраны, возле грот-мачты лежит идеально свёрнутая бухта пенькового каната. Товар, куча бочек, мешков и ящиков, уже сгружен. Погрузка начнётся ближе к вечеру, либо на следующий день с раннего утра. Команда отпущена на берег. Только возле трапа страдает от жары и влаги Тагий, совсем молодой морячок. Льняная рубашка с длинными рукавами насквозь сырая от пота. Огромная соломенная шляпа с широкими полями почти касается плеч парня. В правой руке Тагий держит дамский веер. Со стороны молодой матрос выглядит как театральная пародия на самого себя, только жара юмора не понимает.

– Всё таки уходишь, – Тагий переложил сложенный веер в левую руку.

– Ага, – Саян потряс руку молодого моряка, ладонь тут же стала влажной от его пота.

– Ну ты, это, возвращайся, если что, – Тагий лениво обмахнулся веером.

Трап, несколько длинных толстых досок, вибрирует под ногами. Как же приятно вновь ступить на твёрдую землю. Влажный платком Саян смахнул со лба обильную испарину. Пасма далеко не забытая богом дыра, а самый большой торговый порт Ролозкого архипелага. Ежедневно на её пристанях швартуются десятки судов. «Бородач», величественный двухмачтовый бриг, примостился к одному из множества деревянных причалов, что отходят от каменной набережной в глубь залива Нанчан.

Позднее утро. Большой порт гудит множеством голосов, скрипом телег и тачек. То и дело прорезается раздражённая брань бригадиров и приказчиков. Вереницы грузчиков, тощих местных жителей в одних лишь набёдренных повязках, словно трудолюбивые муравьи снуют между судами и пакгаузами с распахнутыми настежь воротами.

– Куда? Пошла сторона! – раздался крик на ломанном марнейском.

Саян торопливо отшагнул в сторону. Мимо, с мешком кофейных зёрен на спине, прошагал грузчик. Кожа местного жителя потемнела от густого, тёмно-коричневого загара. Даже удивительно, что столь тощий мужичок играючи тащит на себе столь тяжёлый мешок и даже не потеет.

Центр города должен быть в той стороне, Саян на минутку остановился возле высокого штабеля дубовых бочек. До наступления полдня, самого жаркого времени суток, осталось меньше часа. Жизнь в порту постепенно замирает. Всё больше и больше людей, матросов и местных жителей, стремится выбраться в город в прохладу постоянных дворов, трактиров и тень парков.

Пасма крепко связана с морем и с колониальной торговлей. Центр города, его деловая и административная часть, находятся совсем рядом. Никуда не торопясь Саян вышел на Центральную набережную. Шум и суета порта остались за спиной.

Не так давно набережную облагородили. Тротуар покрыт ярко-красной керамической плиткой, а невысокие каменные перила огораживают песчаный пляж. Вечерами, когда спадает дневная жара, по Центральной набережной очень любит прогуливаться местная элита. Витусы в неуместных в тропиках фраках и сюртуках. Дамы в ни чуть не более прохладных платьях до самых пят.

На Губернаторской площади по правую руку возвышается Губернаторский дворец. Саян замер на краю тротуара в тени раскидистой пальмы. Просторное двухэтажное здание с белыми стенами и широкими окнами построено не так давно. На треугольной крыше красными рядами выделяется черепица. У входа, возле массивных дверей с начищенными до блеска ручками и петлями, стоит важный швейцар.

Саян, проходя мимо, невольно улыбнулся. У стража дверей на затылке из под красной фуражки выбиваются сырые тронутые сединой волосы, а на спине, на дорогой красной ткани, выделяется тёмный треугольник. Швейцар потеет, однако героически продолжает сохранять на лице важное и надменное выражение. Такой быстрее свалится на землю от теплового удара, нежели трусливо убежит и спрячется в теньке. Да-а-а, Саян напоследок оглянулся на стража дверей, в Пасме сильны марнейские порядки. Причём настолько, что местные витусы не делают ни малейших скидок на тропический климат.

Губернаторскую площадь окружают похожие на дворцы здания полиции, биржи и несколько магазинов. В тени широкого козырька возле витрины с шикарными дамскими платьями и шляпками героически потеет городской. Впрочем, Саян подошёл ближе, на страже закона белая рубаха с длинными рукавами и шорты, быстрее коротко обрезанные штаны. На ногах вместо

положенных по уставу сапог лёгкие сандалии. Городовой получает явно меньше швейцара возле Губернаторского дворца. Однако на его поясе, как и положено, висит большая шашка в чёрных ножнах.

Если бы не пальмы по краям тротуаров, босоногие аборигены по углам и жара, то Губернаторскую площадь можно было бы запросто принять за центр не слишком богатого и благополучного городка на севере Марнеи. На площади не осталось ни одно здания, памятника или хотя бы куска тротуара от местной самобытной архитектуры.

В 5692 году закончилась Вторая тропическая война. Марнея и Фатрия больше трёх лет оспаривали друг у друга право доминировать в восточной и северо-восточной частях Южного океана. Три года два флота двух великих держав топили друг друга, а солдаты двух великих империй проливали кровь за большие и малые острова Ролозкого архипелага. В конечном итоге противоборствующие стороны договорились и разделили сферы влияния. Фатрии отошла Аргуня, большая страна на южной оконечности материка Науран. Марнея прибрала к себе весь Ролозкий архипелаг.

С тех пор прошло почти пятьдесят лет, культурная зачистка зашла очень далеко. Почти полвека торговцы, плантаторы и военные заселяют острова. Естественно, в первую очередь переселенцы из Марнеи оседают на Сонпане, самом большом острове архипелага.

Поглядывая по сторонам, Саян пересёк Губернаторскую площадь и вышел на Морской проспект. Самая главная улица города уходит от берега в глубь острова. В самый жаркий час дня она практически пуста. Лишь изредка проскользнёт почти голый туземец или проедет телега с одуревшими от жары волами.

И здесь, на проспекте, дома целиком и полностью напоминают марнейские. Два-три этажа, изредка возвышаются четырёхэтажные. Белые стены, треугольные крыши, маленькие балкончики, фальшивые колонны под окнами и на углах. Хотя, Саян торопливо шагнул в тень под навес, жаркий тропический климат даёт о себе знать: над входами, над витринами многочисленных магазинов и питейных заведений натянуты широкие козырьки. Ветер едва, едва колышет полинялые на яркой Геполе полотнища.

И как только люди живут при такой одуряющей жаре? Саян торопливо перескакивает из под одного навеса в тень другого. Локти едва не шаркают о стены, двери и витрины. Пот ручьями бежит по лицу, спина под вещмешком насквозь сырая. Хорошо, что ещё на бригае догадался одень короткие до колен штаны и сандалии. Саян остановился под очередным навесом. Сейчас бы ещё шляпу с широкими полями или пробковый шлем.

Хорошо, что хватило ума убрать «Последний аргумент» в мешок. Иначе местные жители, а особенно местные стражи порядка, не поняли бы, зачем приезжий матрос напялил на себя целый арсенал смертоносных лезвий.

Некогда белый носовой платок потемнел от пыли и влаги. Саян сжал его в кулаке, между пальцами тут же потекли мутные солёные ручейки. Ну почему только не хватило ума остановиться в какой-нибудь портовой гостинице и там, за барной стойкой с бокалом прохладного пивка, не переждать самую жаркую часть дня. Саян в очередной раз вытер влажным платком лицо и шею. Ну вот, опять выжимай.

Чем дальше от Губернаторской площади, тем больше проступает туземная Пасма. Всё чаще и чаще попадаются высокие дома с гладкими стенами и плоскими крышами. На улицу выходят только плотно запертые двери. Как не сложно догадаться, внутри настоящего туземного дома обязательно находится небольшой дворик или даже садик. Окна комнат тоже выходят во внутрь. Местная архитектура не просто не похожа на марнейскую, в первую очередь она отлично приспособлена под тропический климат. Только редкий переселенец из Марнеи

задумывается об этом. Люди, как и на родине, предпочитают строить привычные дома с треугольными крышами и окнами наружу. А зря.

Морской проспект влился в Княжескую площадь. Саян остановился на краю тротуара. Туземная Пасма окончательно вытеснила архитектуру колонизаторов. На противоположной стороне площади возвышается Княжеский дворец, маленькая, метров четыреста в ширину, крепость. Высокие стены обрамлены зубчатыми парапетами, по углам расставлены ещё более высокие круглые башни. Массивные створки ворот обиты железными листами, через изрядно загаженный ров с зелёной водой опущен мост.

В маленькой крепости до сих пор живёт князь, некогда в прошлом правитель острова Сонпан и большей части Ролозкого архипелага. Однако с приходом марнейцев, с их пороховыми пушками, ружьями и грозными линкорами, князь превратился в чисто формального правителя. Без соизволения губернатора, ставленника из Марнеи, не имеет права ни чихнуть, ни сходить до ветру. Саян двинулся в обход площади. Как и на Морском проспекте он стараясь как можно быстрее перескочить из тени в тень.

Вместе с властью князя в упадок пришёл его дворец. Некогда идеально белые стены находятся в ужасном состоянии. Повсюду выступают трещины и сколы. Местами штукатурка обвалилась большими кусками. Из рва несёт противной тухлятиной. Левая крайняя башня обвалилась, возле её основания валяются большие кубические камни. Однако нет и намёка на ремонт, никто даже не удосужился навести порядок. Левая створка ворот распахнута настежь. Ни одного стражника – проходи, кому не лень.

За Княжеским дворцом колониальная Пасма, относительно чистая и культурная, окончательно закончилась. Далее на запад тянутся грязные и скученные кварталы местных жителей, простых ремесленников, грузчиков и поденщиков. Недалеко от дворца возвышается широкое просторное здание с плоской крышей и несколькими широкими входами. Изнутри доносится гул голосов и приятные запахи хлеба, мяса, зелени. Саян нервно сглотнул. Это должно быть знаменитый Туземный рынок.

– Дарагой! Увжаемы! – у входа на рынок, возле широкой гранитной колонный, грязный нищий в лохмотьях протянул руку. – Падай! Хлеб! Жизнь!

Саян на ходу бросил в раскрытую ладонь с обломанными ногтями медный совирт.

– Здоровья! Дай Созатель! Увжаемый! – нищий льстиво оскалился обломками гнилых зубов.

В Пасме даже нищие умеют изъясняться на марнейском. Внутри Туземного рынка обступила долгожданная прохлада, Саян облегчённо вздохнул.

Сотни три или четыре лет тому назад, во время последнего расцвета Ролозкого княжества, местный правитель построил этот рынок. Как он тогда назывался никто уже и не помнит. Колонизаторы из Марнеи прозвали его Туземным. Грубо обработанный камень без узоров и цветных вставок поражает величиём и размахом. Толстые квадратные колонны подпирают высокий потолок. В широких проходах сплошными цепочками тянутся торговые ряды с деревянными прилавками. Пол застал разнообразной каменной плиткой. Нужно отдать должное древним мастерам, Саян закрутил головой, без вентиляторов и ледников внутри, даже в разгар жаркого дня, относительно прохладно и свежо. Пусть не императорский дворец, но всё равно очень даже красиво.

– Дарагой! Булька кушать давай. Слядькая.

Слева льстиво улыбается торговец сладостями. Прилавок перед ним заставлен широкими тарелками с конфетами, леденцами и кусочками засахаренных фруктов.

– Ткань! Хараша! Дарага! Дешево бери! – с другой стороны надывается торговец тканями.

На Туземном рынке торгуют и покупают местные жители. Со всех сторон то и дело долетают слова и фразы на ролозком языке. Однако торговцы с первого взгляда узнают в Саяне иностранца и тут же переходят на ломаный марнейский.

– Ножечка! Хараша! – торговец ножами перегнулся через прилавок и попытался ухватить Саяна за рукав. – Астра! Жалеть не будешь!

Саян сердито отдернул руку. Колонисты предпочитают отовариваться в магазинах и лавках в марнейской части Пасмы, а на Туземный рынок забредают либо от бедности, либо в поисках экзотики.

– Купи!

– Хараша!

– Дарагой!

Вряд ли даже ролозкий князь пользуется у местных такой популярностью. Саян с ходу шлёпнул очередного нахального торговца по руке. Буквально каждый норовит схватить за рукав или за локоть, лишь бы только дорогой иностранец задержался возле его лавки.

Рынок гудит сотнями голосов и дразнит сотнями запахов. Чего, чего, а колониальной экзотики тут хватает. На маленьком свободном пяточке возле колонны прямо на каменных плитах сидит голый по пояс заклинатель змей. Мелодия длинной деревянной дудки едва пробивается через шум и гомон крытого рынка. Из низенького горшочка возле его ног высунулась самая настоящая кобра, капюшон раскрыт, чёрный раздвоенный язычок то и дело выскальзывает из прикрытой пасти. Покупатели пугливо обходят заклинателя стороной. Кобре нет никакого дела до людей. Медленно, пристально глядя на заклинателя, ядовитая змея покачивается в такт простенькой мелодии.

Саян бросил три медный совирта в глиняную чашку возе ног заклинателя. Подобное представление самое обычное и заурядное для Аргунии. Однако здесь, даже для самих ролозцев, «заколдованная» змея самая настоящая экзотика.

Саян притормозил возле колонны в самом центре Туземного рынка. Нужно передохнуть. От долгой ходьбы устали ноги и сбилось дыхание. Интересная закономерность, даже две. Во-первых, между собой туземцы разговаривают на ролозком. Логично. Но! Стоит им хоть что-нибудь не поделить, как тут же переходят на марнейский, причём в тех выражениях, которые не принято печатать в солидных газетах и в книгах для детей. Во-вторых, и это уже вообще ни в какие ворота, местные жители изо всех сил, кто во что горазд, подражают марнейским колонистам.

Только самые бедные ролозцы одеты как ролозцы: на голове грязная чалма, чресла прикрыты либо очень короткими штанами, либо куском дрянной ткани. Простые работяги носят длинные рубахи, просторные штаны и сандалии на босу ногу. Ролозцы чуть более состоятельные натягивают на себя как можно больше вещей из гардероба марнейцев.

Продавцы за прилавками то и дело щеголяют в картузах или линялых фуражках. Некоторые натянули жилетки или кожаные ремни. Продавец древних пистолетов нацепил старый солдатский мундир с надраенными до блеска пуговицами. Чуть ли не на каждом галстуки, манишки. Женщины очень любят щеголять в старых перчатках с оторванными пальцами и рваными швами. Торговец свежими фруктами переплюнул всех. Ролозец не придумал ничего лучше, как надеть ношенный чёрный фрак с оторванным левым карманом и разнокалиберными пуговицами на груди. Ничуть не смущаясь клоунского наряда, торговец бойко размахивает связками бананов, зазывает покупателей на разные лады и свысока поглядывает на товарищей по прилавку.

– Нет! За десять булок два десяти и ни совирта меньше!

Саян вздрогнул от неожиданности.

– Нет! Не скину! И так дешёво отдаю!

Среди «дарагой» и «уважаемый» чересчур правильное марнейское произношение резануло по ушам. Саян оглянулся. В противоположном ряду молодой продавец хлеба отчаянно торгуется с покупателем.

– Два давай! Два! – ролозец растопырил два пальца и едва не тычет ими в лицо торговца хлебом.

– Два десять! – продавец стукнул кулаком по прилавку.

Вокруг спорщиков поднялось лёгкое облачко белой пыли. Но местный не сдаётся, торг пошёл по новому кругу. А это уже интересно, Саян незаметно приблизился к прилавку.

Покупателю всё же пришлось выложить за десять ржаных булок два вирта и десять совиртов. Продавец остался твёрд, как скала на входе в залив Нанчан. В отличие от многих товарищей по прилавку, он одет как самый настоящий ролозец: белая чалма на голове, рубашка с длинными рукавами, пояс стягивает самый обычный кушак. На вид торговцу лет двадцать – двадцать два.

– Для местного жителя вы очень хорошо говорите на марнейском, – осторожно заметил Саян, едва покупатель отошёл в сторону.

– А я и есть марнеец, – продавец весело усмехнулся.

– Э-э-э, простите?

– Наряд местный? – молодой продавец ткнул себя пальцем в грудь.

– Да, – кивнул Саян.

– Так он гораздо практичней марнейских рубах, штанов и скуртуков, – пояснил молодой торговец. – От Геполы спасает, да и потеешь в нём гораздо меньше.

А это уже интересно! Саян уставился на молодого торговца, словно на экзотического попугайчика с длинными красными перьями. Урожденный марнеец торгует хлебом на Туземном рынке в наряде не слишком богатого ролозца – разве такое бывает?

– Хотите спросить, как я здесь оказался и что делаю? – с пониманием спросил молодой торговец.

– Сочту за честь. Только, для начала, давайте познакомимся.

– Исланд, – молодой торговец тут же протянул руку.

– Саян.

Рукопожатие у молодого торговца крепкое. Сразу чувствуется, что парню придется не только стоять за прилавком, но и таскать коробки с хлебом и мукой.

– Вы не первый, кто с удивлением пялится на меня, – Исланд поправил на прилавке ряд ржаных булок. – Только история моя вполне обычная.

Пятнадцать лет назад мой отец убежал из Марнеи от беспросветной бедности сюда, на Сонпан. Мне тогда всего пять было. Как марнейцу, отцу дали участок земли недалеко от Пасмы, плуг, коня и пару местных для тяжёлой работы. Сейчас у нас большая ферма, сто четырнадцать гектар пахотной земли, лугов еще больше и пятьдесят семь коров.

– Неужели вы сами справляетесь со столь обширным хозяйством? – встрял Саян.

– Нет, конечно же, – Исланд усмехнулся. – На нас работают местные, человек двадцать, кажется. Отец ими командует. Вся тяжёлая и грязная работа на них. Мне если что и приходится таскать, так это мешки с мукой или корзина с хлебом.

Саян слегка наклонился. За прилавком и в самом деле сложены большие плетёные корзины. Содержимое, наверняка хлеб, прикрыто большими кусками белой ткани.

– А почему вы именно здесь торгуете? – Саян вновь глянул на Исланда.

– Э-э-э! – молодой торговец многозначительно поднял указательный палец, – сразу видно, что вы не местный. Я продаю пшеничный и ржаной хлеб, – Исланд похлопал ржаную булку, – но пшеница и рожь здесь не растут. Жарко слишком.

Это в Марнее рожь еда бедняков. А здесь экзотика, чуть ли не деликатес только для богатых.

Саян призадумался. Действительно: покупатель, что только что приобрёл сразу десяток ржаных булок, на вид не самый бедный. В правом ухе, кажется, была золотая серёжка, а на левом указательном пальце вроде как кольцо сверкнуло. Не исключено, что то же из золота.

– Дела идут хорошо, грех жаловаться, – продолжил Исланд. – Ролозцы с удовольствием покупают ржаной и пшеничный хлеб. Естественно, кто может себе его позволить. Отец хочет целый магазин по ближе к Губернаторской площади открыть, только денег на престиж ещё не хватает.

В голову стрельнуло подозрение.

– Скажите, – Саян подался вперёд, – многие ли марнейцы владеют фермами и нанимают местных для тяжёлой работы?

– Да, почитай, – Исланд на секунду призадумался, – все. Вокруг Пасмы не осталось ни одной фермы, пруда, луга или леса, которым владел бы ролозец. Да и по всему острову, поди, тоже. Местные, почитай, на нас работают. Мало кто из них может похвастаться собственным клочком земли.

– Силой отбираете? – Саян нахмурился.

– Если бы! – молодой торговец махнул рукой. – Сами продают. Разоряются и продают. Вести хозяйство толком не умеют, за старину зубами держатся. На рынок ничего не возят, сами проедают. А налоги для всех одинаковые. Ну, правда, кто из Марнеи приехал, губернатор хорошо помогает. Там..., льготы разные, налоги первые пять лет платить не нужно. Кони и плуг, как отец сказывал, в первый год очень кстати пришлись.

– Понятно.

Чего и следовало ожидать. На острове Сонпан широко развита колониальная экономика. Ролозцы на положении рабов выращивают кофе, рис, кукурузу, сахарных тростник. Они же добывают мрамор и драгоценные камни в каменоломнях в глубине острова.

Колонизация и культурная зачистка Ролозкого архипелага зашли очень далеко. Ещё лет через пятьдесят местные жители окончательно забудут родной язык, растеряют культурное наследие предков и растворятся среди эмигрантов из Марнеи.

Подобное уже произошло с коренными жителями островов Лурман, Нуркан и Скунжи, что находятся на выходе из моря Дебар в Южный океан. 80 лет тому назад, в результате Первой тропической войны, Марнея захватила все три очень важных с геополитической точки зрения острова.

– Покупать что-нибудь будете? – молодой торговец вопросительно уставился на Саяна.

– Нет, благодарю, – встрепенулся Саян. – Я только сегодня утром сошёл с марнейского судна. Рожь и пшеница ещё не стали для меня экзотикой.

– Тогда всего вам хорошего, – Исланд вежливо поклонился.

– И вам того же, – Саян отошёл от прилавка.

Как и следовало ожидать, рассчитывать на Ролозкий архипелаг в качестве противовеса менгам на материке Колбан не имеет никакого смысла. Саян двинулся дальше вдоль прилавков Туземного рынка. Да и менги, которых нужно сдерживать, далеко отсюда. Но, всё же, приятно лишний раз убедиться в собственной правоте. А то, бывает, душу ещё долго терзают напрасные сомнения.

До конца дня Саян бродил по Туземному рынку между прилавков с крикливыми и бесцеремонными торговцами. И дело не в экзотических товарах,

тропических фруктах, специях и шёлковых тканях. Нет. В небольшой чайхане Саян выпил пару кружек великолепного горячего чая и съел свежую кукурузную лепёшку с сыром. Так не хотелось покидать относительную прохладу крытого рынка и погружаться вновь в океан полуденного зноя. Лишь когда Гепола нависла над крышами домов, Саян вышел на улицу.

Той же дорогой, мимо Княжеского дворца по Морскому проспекту до Центральной набережной, Саян вернулся в порт. В двухэтажной гостинице со смешным названием «Селёдка с пивом» нашлась маленькая уютная комнатка с деревянной кроватью, умывальником и с москитной сеткой на узком окошке. С наступлением прохлады и темноты из влажных закутков, болотцев и канав поднимаются тучи moskitov.

В Пасме вполне можно было бы задержаться на денёк другой. Вокруг города хватает примечательных мест и пляжей, где можно великолепно загореть и вдоволь накупаться в водах Бескрайнего океана. Только незачем. На следующее утро, едва перекусив рисом и пивом с селёдкой, Саян отправился в порт. Возле многочисленных причалов он без труда нашёл флейт «Имбирь», марнейское торговое судно, которое как раз направляется в Тургал, столицу государства Рюкун. Как и на бриге «Бородач», Саян легко нанялся матросом. Тем же вечером «Имбирь» покинул Пасму и вышел в воды Бескрайнего океана.

Глава 4. Великий Рюкун

Старенький, но всё ещё крепкий и добротный флейт «Имбирь» резво рассекает форштевнем воды моря Окмара. Брызги и пена стелются вдоль деревянных бортов. Утренняя Гепола поднимается над берегом с северной стороны. Зрелище немного непривычное, дневному светилу полагается совершать путь по небу над южным горизонтом, но то в северном полушарии Мирема. В южном всё с точностью наоборот.

Саян сидит в «вороньем гнезде», в большой плетёной корзине на самом верху фок-мачты. Его задача – следить за морем. Вот-вот должен показаться Тургал, столица государства Рюкун. Море в районе крупного порта весьма оживлённое. Можно запросто протаранить борт другого торгового судна или походя пустить на дно джонку, большую лодку с прямоугольными парусами из бамбуковых реек и циновок.

Свежий ветер оmyвает лицо и остужает голову. Саян, прикрывая глаза ладонью, внимательно поглядывает по сторонам. По правому борту из зелёных волн поднимается берег. За лентой песчаных пляжей тянется зелёная масса густых джунглей. Лишь изредка на больших полянах попадаются деревни рыбаков, крошечные лачуги в окружении огородов. Флейт «Имбирь» слегка покачивается на волнах.

Настроение – супер! Саян устало потрянул левой рукой. Долгая дорога подходит к концу, он почти у цели. А вот и гавань Тургала. Огромный насыпной мыс вдаётся в море аж на пять километров. Пологие берега укреплены крупными грубо обтёсанными камнями. На самом кончике искусственного мыса возвышается орудийная башня, военно-морская крепость в миниатюре. Из широких бойниц выглядывают чугунные стволы старинных пушек. На высоких шестах развиваются сине-зелёные знамёна Рюкуна. По верху башни ходят часовые, лучи Геполы отражаются от их начищенных шишаков.

Маленькая крепость и чугунные пушки в отличном состоянии, Саян довольно улыбнулся. Значит государственная машина Рюкуна отлично работает. За время недельного перехода Саян успел вдоволь наговориться с командой флейта. Выяснилось самое главное – Рюкун по-прежнему независимое государство, хотя и отсталое и широко торгует с Фатрией, Гилканией и другими развитыми государствами на севере материка Науран.

Не прошло и часа, как «Имбирь» мягко пристал к широкому насыпному причалу на внутреннем рейде порта Тургал. Моряки в поношенных рубашках и коротких штанах тут же выбросили на берег швартовые концы и перебросили трап, широкий и крепкий настил для грузчиков. Ещё через пару часов необычайно тощие в одних набедренных повязках местные грузчики перетаскали многочисленные тюки, бочки и ящики из трюма флейта на берег, в один из множества портовых пакгаузов.

Нетерпение жжёт пятки. Саян едва дождался, пока последний тук хлопчатобумажных тканей покинет борт «Имбиря». Капитан, витус Юбин, попытался было удержать, но лишь со словами сожаления протянул 10 сови́ртов, недельный заработок Саяна.

Огромный порт столичного города ничем не отличается от десятков других огромных портов по всему миру. Те же вереницы грузчиков разгружают и загружают торговые суда, так же стоит ор и крик, так же пахнет гнилыми водорослями и морской солью. По берегу и причалам снуют купцы со всех концов света. Мелькают фраки, стоячие воротники, панталоны, сюртуки. Только, Саян смахнул со лба обильную испарину, в Тургале так же жарко, как и в Пасме.

О-о-о! Очень, очень интересно, Саян замер возле высокого штабеля пузатых бочек. С другого края длинного штабеля на него неторопливо надвигаются местные стражи порядка. Язык не поворачивается назвать их полицейскими. Нет, стражи – самое точное определение. Оба одеты совершенно одинаково: длинные серые рубашки до колен с красной каймой по самому низу перехвачены широкими поясами с медными бляхами. На головах стальные шишаки. Прямые узкие кинжалы в чёрных ножнах при ходьбе очень выразительно хлопают стражей по бёдрам.

Да-а-а... Саян улыбнулся. Это не марнейские городовые в шортах и с шашками. Это самая настоящая местная экзотика. Стражники шагают так, словно маршируют на параде. На лицах такое важное и высокомерное выражение, такое, такое, будто тот, что справа брат правителя Рюкуна, а тот, что слева, ну не меньше, чем сват.

Стражники подошли ближе. Саян, продолжая улыбаться, вежливо поклонился. Простому моряку нужно быть поаккуратней со стражами порядка. Однако высокомерное выражение тут же улетучилось с лиц стражников. Хранители порядка льстиво заулыбались и, пятясь боком, поспешил убраться вон. Лишь только низ серой рубашки с красной каймой мелькнул за штабелем бочек.

Чего они? Саян удивлённо глянул во след стражам порядка. Впрочем, какая разница.

Причалы и пакгаузы сменились жилым кварталом. Саян на минутку остановился в тени высоченного вечнозелёного дуба. Ещё одна очень хорошая примета – не видно ярко выраженного квартала иноземных торговцев. Никаких построек в марнейском или фатрийском стиле. Как и много сотен лет тому назад дома в Тургале похожи на огромные параллелепипеды и кубы. Окон на пыльную улицу почти нет, лишь одни низенькие плотно закрытые двери с большими медными ручками. Дома более состоятельных горожан укрыты за высокими белыми стенами.

Саян поднял глаза. Через край ближайшей стены свисают длинные зелёные листья. Судя по размерам и форме – финиковая пальма. Не иначе внутри, за стеной, небольшой сад. Дальше по улице распахнутыми настежь воротами выделяется караван-сарай, местный постоялый двор. Рядом прогрохотала деревянная колымага с огромными деревянными колёсами. Возница в замызганной рубахе и серой чалме отвёл глаза.

Лямки вещмешка немного сбились, Саян пошевелил плечами. Конечно, иноземных купцов здесь хватает, в порту глаза постоянно натываются то на

фрак, то на сюртук, то на жакет с короткими рукавами. Другое дело, что иноземцы ещё не начали перестраивать Тургал под свой собственный вкус и цвет.

Широкая хорошо утоптанная дорога привела на рынок. Ещё на флейте Саян заранее выяснил, как можно быстрее добраться до него. Саян, озираясь по сторонам, двинулся вдоль торговых рядов. Ещё одно приятное отличие от Пасмы. Деревянные прилавки завалены яблоками, абрикосами, кабачками, морковью, горохом, чёрным перцем и чаем. Торговец скобяными изделиями перебирает внушительную коллекцию ножей, ножниц, скоб, крюков, ложек, иголок и подсвечников. Недалеко широкими лентами свисают полотнища цветных тканей. Искушённым модницам представлен широкий выбор хлопка, шёлка, атласа, муслина и кисеи.

Великолепно! Саян едва не захолопал в ладоши от восторга. Местные жители одеты как местные жители. Никаких галстуков, манишек и сюртуков. На купцах по богаче характерные для Рюкуна длинные рубашки, жилетки и плотно скрученные тюрбаны из белой ткани. Менее состоятельные покупатели и торговцы одеты так же, только проще и более блекло. Ноги многих рюкунцев обтягивают кожаные башмаки.

Жаркий день не помеха. На рынке толкотня и гам. Мужчины и женщины громогласно торгуются с купцами и размахивают руками. Под ногами шныряет многочисленная детвора. В загоне торговца скотом жалобно блеют бараны. Рядом в деревянных клетках кудахчут куры.

Саян повёл носом, рот тут же наполнился слюной. В паре метров упитанный дядька с красным лицом со знанием дела жарит в длинном железном мангале шашлыки. Короткие толстые пальцы с ловкостью фокусника переворачивают и тасуют деревянные палочки с аппетитными кусочками мяса. А запах! Саян сглотнул.

– Куда прёшь!

Невысокий мужчина в задрипанном халате с плетёным коробом на спине обернулся с недовольным видом. Саян не заметил, как ненароком набрёл на случайного прохожего.

– Прошу прощения, – Саян вежливо поклонился.

Однако мужчина с плетёным коробом на спине испуганно дёрнулся в сторону. Через мгновенье задрипанный халат растворился в базарной толчее. Странно? Саян замер от удивления. Он и в самом деле наступил местному жителю на пятку, да ещё пихнул локтём в спину. Другой бы на его месте поднял бы недовольный хай, а этот трусливо убежал. Ну и ладно. Досадное происшествие моментально вылетело из головы, Саян двинулся дальше.

Жизнь на рынке бьёт ключом. Пусть Рюкун действительно широко торгует с внешним миром, может быть даже слишком широко, зато он сохранил независимость и самобытность. А, значит, Саян приветливо улыбнулся красивой девушке в лёгком шёлковом платке, он вполне годится в качестве противовеса менгам на материке Чалос. Конечно, потребуется коренная модернизация, реформы, капитализм и всё будет в ажуре!

На севере Рюкуна из земли местами выступает каменное масло, в предгорьях Риган на западе найдены месторождения железной руды. В центральной части страны на плоскогорье Вриан не так давно фатрийцы открыли залежи первосортного каменного угля. Огромное трудолюбивое население, развитое сельское хозяйство и централизованная власть. Иначе говоря, Рюкун обладает великолепной базой для стремительного рывка на пути экономического и технического развития. Как всегда не хватает начального импульса в нужном направлении и мудрого руководства. Ну за этим дело не встанет.

– Простите великодушно.

Саян замер на месте. За мечтами о великом будущем опять ушёл из реальности и наткнулся на покупательницу. Маленькая женщина стыдливо закрыло лицо платком. Сухой старичок с длинной седой бородой, не иначе отец женщины, сердито замычал.

– Я не специально, – Саян шагнул в сторону.

Сухой старичок не проронил ни слова. Вместо этого он схватил женщину за руку и буквально уволок её в глубину базарной толпы. Странно? Саян удивлённо заморгал. В Рюкуне грубо наткаться на женщину смертельно опасно. Ни одна девушка старше пятнадцати лет не имеет права показаться на улице без сопровождения. Отец незнакомки, тот самый сухой старичок, мог запросто пырнуть в отместку кинжалом и был бы прав. Очуметь!

Но тут внимание привлёк невзрачный мужичок лет сорока в рваной рубашке босиком. Давно немытые волосы включены, борода висит сальными лохмотьями, тонкие руки мелко дрожат.

Нищий – обычное дело. Только... Саян примостился на углу лавки с горшками. Глаза нищего пугливо бегают из стороны в сторону. Весь на нервах, ступает так, будто пыльная земля у него под ногами усыпана битыми бутылками. А это уже интересно.

Оборванец подкрался к прилавку торговца хлебом. На белых от муки досках разложены лепешки, булки, пирожки самых разных форм и размеров. В глубине лавки дымит круглая печь. Работник в белой рубашке достаёт из горячего нутра свежие лепёшки. Обалденный запах свежего хлеба разлетается далеко по улице.

Рывок! Нищий попытался схватить крайнюю лепёшку. Только торговец, упитанный дядька с пухлыми щеками, казалось, только этого и ждал. Короткое копьё с невероятной скоростью вынырнуло из-под прилавка. Стальной наконечник едва не ударил незадачливого воришку в грудь. В последний момент нищий успел увернуться. Однако широкое лезвие распороло ему правое плечо. Брызнула кровь. Незадачливый воришка взвизгнул от боли и метнулся прочь.

Саян грустно улыбнулся. Обычная для любого базара сцена: голодный оборванец попытался украсть немного хлеба, чтобы дожить до вечера. Однако торговец не намерен делиться с нищим. Но... Саян так и остался стоять на месте, что-то в разыгранном представлении было не так. Какая-то едва заметная нотка фальши. Но какая?

Разбрызганная кровь выделяется тёмными пятнами на пыльной земле. Словно ловец на дикого зверя Саян двинулся по кровавому следу. Душу терзают смутные подозрения. Где и в чём «главный артист» схалтурил?

Повезло. На рынке полно народу, однако тёмные пятна крови не успели затоптать. Саян обогнул лавку торговца хлебом, прошёл мимо прилавка с рыбой. Через два поворота большой базар Тургала остался позади. Сразу за торговой площадью потянулись убогие домишки. Побелка во многих местах рассыпалась, глинобитные стены пошли трещинами. Узкая улочка завалена вонючим мусором, конским навозом, гнилой соломой вперемежку с битыми горшками и рыбными костями. Часть окон и дверей заколочена серыми досками, часть выдрана с «мясом».

Возле очередного убогого домика под порванным навесом с разломанным прилавком прямо на земле сидит тот самый незадачливый воришка. И без того грязная рубашка пропиталась кровью. Нищий бессильно прислонился к прилавку и тихо скулит от боли. Рядом сидит тощая женщина в кандуре, традиционной одежде Рюкуна, длинная до пят рубашка в далёком прошлом белого цвета. Осторожно, стараясь не растеребить рану, женщина перевязывает плечо мужичка длинным куском серой ткани. Как не сложно догадаться, нищий и тощая женщина муж и жена.

– Я хотеть задать вопрос, – страшно коверкая рюкунские слова, произнёс Саян.

Медный фельс, самая маленькая рюкунская монетка, тут же вызвали неподдельную радость в глазах нищего. Мужичок слегка приподнялся и грубо оттолкнул женщину.

– Что вы хотеть знать, уважаемый, – натужно просипел нищий.

Саян едва не скривился от отвращения. И так слишком давно не приходилось говорить на рюкунском. А бедняк мало того, что говорит как тёмный простолюдин, так ещё и сипит на каждом слове.

– Главный вопрос один: – рюкунские слова с трудом приходят на ум, – почему ты, мужчина, жена есть, воруюешь?

Бедняк тут же скис и отвёл глаза. Тощая женщина рядом отвернула лицо и тихо всхлипнула.

– Господин знать должен, – медленно просипел бедняк. – Десять лет назад был я ткач, хороший ткач, – бедняк хлопнул грязной ладонью по разломанному прилавку.. – Рынок, пряжа хлопок покупать. Ткань делать. Продавать рынок. Потом дурные времена настать. Фатрийцы хлопок сырой больше плати, замен хлопок дешёвый ткань давай. Я деньги нет, хлопок нет, ткань продать нет. Фатрийцы мало ткань просить, народ им больше покупать. Воровать нужда заставлять.

От волнения нищий запыхался. Тощая женщина громко зарыдала.

– Беда. Большая беда. Всех беда. Ткачи здесь жить, рынок рядом. Теперь мало есть кто, – бывший ткач без сил махнул рукой в сторону убогих домишек. – Кто голод умер. Кто заработок искать ушел. Я детей продать – кормить нечем. Жена хотеть продать, старая, товар плохой. Много нас. Фатрийцы голод нас убить.

Сипящая речь бывшего ткача разбирается через слово. Однако и то, что можно перевести, вполне достаточно, чтобы понять главное. Некогда здесь был процветающий квартал ткачей. Они покупали на рынке пряжу, хлопок-сырец, ткали ткани и продавали их на том же рынке. Десять лет назад в Тургале появились фатрийские купцы и самым грубым образом вытеснили с рынка сотни а может и тысячи потомственных ткачей.

Даже с учётом транспортировки через Южный океан, гораздо дешевле покупать в Рюкуне хлопок-сырец и перерабатывать его на фабриках с паровыми станками. Вот почему фатрийцы платят за хлопок-сырец больше, а ткани продают дешевле, чем местные ткачи. Не иначе столь низким ценам способствуют чисто символические таможенные сборы.

– Жить плохо, плохо, – между тем продолжает сипеть бывший ткач. – Кушать нет. Последняя услада трубка курить нет.

– Какая трубка? – Саян насторожился. – Что курить?

– Ха-а, ханка, – нищий изобразил пальцами длинное и узкое. – Курить, ханка, – бывший ткач поднёс ко рту воображаемую трубку и затянулся, на его лице тут же появилась мина умиления. – Ханка хорошо. Услада. Горе прочь, боль прочь, время хорошо.

По спине пробежали холодные мурашки, Саян резко выпрямился. Ханка, ханка.. Ну конечно! Моряки из команды флейта «Имбирь» рассказывали. Те, кто помоложе, частенько мечтали вслух о том, как по прибытию в Тургал отправятся трясти местные бордели. На что старый матрос по кличке Кегля каждый раз со смехом заявлял, что его экзотические шлюшки уже не интересуют. Вместо жарких объятий черноволосых красавиц с тонкой талей он мечтал завалиться в некую «Усладу», чтобы выкурить трубочку другую опиума. Кегля точно так же изображал пальцами длинную и узкую трубку, на его лице мелькала точно такая

же мина умиления. Неужели опиум, застывший сок маковых коробочек, и есть та самая ханка?

– Где? – Саян окаменел от напряжения.

Горькое предчувствие стиснуло сердце.

– Что?! Где?! – испуганно задёргался бывший ткач.

– Ханка где курить? – от напряжения Саян сам чуть не засипел.

– Там! Там! – бывший ткач замахал руками в сторону рынка. – Туда иди, туда. Иди, баран продавай. Там спина будет.

Саян медленно убрал обратно в кошелёк медный фельс, на лице бедняка тут же отразилась вселенская скорбь и крах веры в справедливость. Саян недовольно засопел. Чёрт с ним!

– Держи.

На землю перед грязными ступнями нищего упали четыре медных фельса.

– Господин! Хорошо! Хорошо! – бедняк тут же накрыл ладонями медные монетки. – Благодарить! Благодарить! Создатель Великий помощь будет! Всегда, всегда будет!

– Хлеба купи, – Саян пошёл прочь.

От бывшего приподнятого настроения не осталось и следа. Противно даже. Не иначе, этот оборванец, бывший ткач, спустит все деньги на опиум. Чтоб ему трубка поперёк горла встала.

Грязная улочка вновь привела на центральный рынок Тургала. Но на этот раз Саян совершенно другими глазами, будто в первый раз, принялся разглядывать торговые ряды и людей.

Обычно среди самых бедных преобладают калеки, безнадежно больные и законченные пропойцы. Но здесь, в столице Рюкуна, ситуация совсем, совсем иная. Среди нищих и попрошаек очень много тощих и грязных мужчин и женщин, однако не калек, а вполне даже трудоспособного возраста и вида. В иной ситуации большая часть из них предпочла бы честный труд. Но раз они здесь, значит трудиться им просто негде. Никакой помощи бедным в Рюкун никогда не было и нет.

В базарной толчее Саян намеренно толкнул плечом солидного мужика в белой чалме и добротной рубашке, на указательном пальце ярко сверкает большое золотое кольцо. Наверняка какой-нибудь чиновник, купец или просто надменный богач. Солидный мужик медленно развернулся и... тут же испуганно вылупил глаза. Саян прошёл дальше, за спиной то ли чиновник, то ли купец лепечет что-то вежливое и унижительное.

В душе медленно закипает гнев. Господи! Это каким же нужно было быть слепцом, чтобы не заметить очевидное. Пусть иноземцы не успели построить в Тургале торговый квартал, зато успели до ужаса запугать местных жителей. По просторной шерстяной рубахе, треуголке, панталонам и ботинкам с большой пряжкой местные тут же узнают в нём иностранца. Пусть простого моряка, зато из-за границы. Теперь понятно, почему первый случайно задетый мужчина предпочёл заткнуться, а сухой старичок с длинной бородой проглотил оскорбление родной дочери и убрался прочь.

Возле очередной лавки крики и ругань. Саян с интересом остановился в двух метрах.

– Зачем чужое продавать. Дёшево, море, – невысокий мужчина с широкими плечами и сильными руками в гневе трясёт кулаками перед лицом торговца. – Я дети голод помирать. Мой брат!

На спине у мужчины большой короб. Сквозь тонкие прутья просвечивают железные лезвия, загнутые крючки и тонкие стальные палочки, наверно гвозди. Наверняка кузнец принёс на рынок свой товар.

– Ты зачем брать! – кузнец повернулся к покупателю, мужчине с точно таким же коробом за спиной, только наполовину пустым. – Мой брат! – кузнец выразительно хлопнул ладонью по коробу за спиной.

– Ты хочешь много. Не могу, – покупатель в ответ замахал руками. – Беден я. Деньги хлеб дети купить хорошо. Море дешевле. Прочь иди.

Незадачливый кузнец и покупатель опять заголосили и замахали руками. Саян недовольно засопел. Местные слова понимаются с трудом. С тех пор, как ему в последний раз приходилось разговаривать на рюкунском, прошло много сотен лет. Великий Создатель одарил его способностью к языку, но только не абсолютной памятью. Впрочем, Саян двинулся дальше, незадачливый кузнец и покупатель сказали более чем достаточно.

Словно таран Саян нагло вклинился между кузнецом и покупателем. Рюкунцы тут же брызнули в разные стороны. Торговец скобяными товарами льстиво заулыбался. Перед ним на прилавке разложены ножи, ножницы, иглы и прочие изделия из железа. Причём, Саян пригляделся, похожи друг на друга как братья близнецы. Саян взял кухонный нож с простой деревянной рукояткой. На широком лезвии большая овальная печать с надписью на фатрийском: «Братья Мильен и Ко».

Фатрийцы! Кухонный нож выпал из рук, широкое лезвие со звоном воткнулось в деревянный прилавок. Саян схватил незамысловатый подсвечник из тонких железных полос с острыми иголочками для свечей. На донышке та же печать с той же надписью.

Теперь понятно, почему местный кузнец не может продать свои ножи и гвозди, а местный покупатель упорно отказывается их приобретать. За час один фатрийский паровой станок наштампует кухонных ножей больше, чем один рюкунский кузнец накуёт их за неделю. Фабричный товар очень, очень дешёв даже с учётом доставки через Южный океан.

Получается замкнутый круг: местные кузнецы не могут продать свои ножи и гвозди, потому что у них слишком высокая себестоимость как и у любого товара ручного производства. Местные потребители вынуждены покупать более дешёвую продукцию из-за моря. В итоге фатрийцы богатеют, а рюкунцы нищают.

– Брат, желать? – на дурном фатрийском произнёс торговец.

– Нет, – Саян бросил дешёвый подсвечник на прилавок.

Местных ткачей фатрийцы уже разорили и добили голодом, на очереди кузнецы. Господи! А это что? Саян остановился перед очередной лавкой.

На широких гладких досках разложены характерные длинные трубки с округлыми керамическими выпаривателями для курения опиума. На любой вкус и кошелёк, начиная от примитивных из дерева и до изысканных из слоновой кости с позолоченными мундштуками. За спиной торговца узенькие полочки забиты маленькими масляными лампами для выпаривания, от простых из глины с примитивным геометрическим узором и до самых настоящих произведений искусства из стекла с красивыми рисунками на стенках. Слева на деревянном щите развешены маленькие блюдечки, щипчики, иголки и прочие приспособления для зарядки трубок.

Скрутить из опиума маленький шарик и заправить его в керамический выпариватель весьма непростое дело. Часто бывает, что наркоманы доходят до самой тяжёлой стадии зависимости от опиума, однако так и не овладевают искусством заряжать опиумные трубки. Богатые курильщики нанимают специальных слуг. В притонах наркоманам победнее выдают уже заряженные трубки.

Но больше всего настораживает другое: ассортимент этой лавки рассчитан на все слои населения. Вряд ли незадачливый вор, бывший ткач, может позволить себе стеклянную лампу для выпаривания с красивыми синими цаплями на

стенках. А вот четырёх фельсов вполне хватит на глиняный примитив с фитильком.

– Хорошая трубка есть, – торговец приспособлениями для курения опиума на свой лад расценил задумчивое молчание Саяна. – Вот! – торговец подхватил с прилавка трубку с позолоченным мундштуком. – Хорош сушить. Услада быть.

– Не нужно, – Саян отвернулся.

И этот говорит на ломаной фатрийском.

Дальше по проходу между лавками жалобно заблеял баран. Следом подал голос ещё один и ещё. Точно! Саян прибавил шаг. За загонами торговцев скотом должен быть тот самый притон, о котором говорил бывший ткач.

Курильня опиума – притон в самом худшем значении этого слова. Просторный сарай с крышей из соломы, плетёные стены обмазаны глиной. Над входом вместо двери слабо колышется занавеска с большими дырами. Рядом, под навесом, на низеньком стульчике с высокой резной спинкой восседает надменный торговец в дорогой рубахе, на голове плотно смотанный тюрбан идеального белого цвета. Тут же прямо на земле расположился тощий мальчишка с выпуклыми глазами. Убогий нищий трясущимися руками с глухим стуком уронил в широкую глиняную тарелку перед торговцем пару медных фельсов. Толстые пальцы с золотыми кольцами небрежно сгребли медяки, торговец лениво кивнул. Тощий мальчишка тут же протянул поцарапанную трубку для курения опиума с обкусанным мундштуком. Нищий жадно схватил заряженную трубку и торопливо шмыгнул в сарай. Драная занавеска бессильно повисла за его спиной.

– Уважаемый! Курить будь? Услада во! – надменность тут же слетала с упитанного лица торговца, едва Саян подошёл ближе.

И этот говорит на ломаной фатрийском. Саян, не обращая внимания на торговца, сдвинул драную занавеску в сторону. Внутри сарая полумрак, вонь давно немытых тел и характерный запах паров опиума. Прямо на земле друг на дружке валяются наркоманы. То тут, то там словно яркие звёзды во тьме беспроглядной нищеты горят лампы для выпаривания. В неровном свете мелькают перекошенные давно небритые лица, запавшие глаза, гнилые зубы. В полумраке под ботинком скользнула чья-то нога, Саян едва не упал. Наркоман лишь слабо дёрнулся и невнятно прошлёпал губами.

Нищий, что только что забежал в курильню, уже примостился среди таких же убогих наркоманов. Испаритель мелко трясётся над огоньком глиняной лампы. Нищий жадно втянул в себя пары опиума. Саян подошёл ближе, под левым башмаком проскользнула чья-то рука. Нищий на миг отвёл трубку от лампы. Язычок пламени высветил косматую бороду и грязные щёки. Под задранной рубашкой проступили выпирающие рёбра человека на последней стадии истощения. Зато глаза нищего так и светятся блаженством и умилением, той самой последней усладой, о которой твердил бывший ткач.

– Э-э-э... – грязный нищий неловко качнулся на локте и вновь протянул трубку к масляной лампе.

На душе чёрной липкой грязью скопилось презрение. Саян резко развернулся спиной к нищему. Правая нога так и чешется подойти ближе и вмазать падшему наркоману башмаком под выпирающие рёбра. Вместо того, чтобы купить хоть немного хлеба, этот нищий отдал последние деньги торговцу опиумом. Не исключено, что эта трубка станет последней в его жалкой и никчёмной жизни. Саян торопливо вышел из загаженной и вонючей курильни.

– Где ханку берёшь? – Саян навис над торговцем опиумом.

– Господин уважаемый, разрешение иметь, иметь, – торопливо затараторил торговец. – Вот! Смотреть, документ порядок полный.

Пухлой рукой с золотыми кольцами торговец вытащил из под стульчика серый кусок пергамента.

– Где ханку берёшь? – повторил Саян.

– Витуса Илнара, Фатрия купца, лично мне давать, – торговец затряс куском пергамента. – Аргуния, море возить. Ханка хорошо, не врать. Честно, честно моя продавать.

Словно обухом топора по голове. Саян обхватил горящие щёки руками. Теперь всё сходится. Аргуния, страна на самой южной оконечности материка Науран, давняя колония Фатрии. По многочисленным слухам именно там фатрийцы в огромных количествах выращивают опиумных мак. Ханка, то есть опиум, – идеальный товар: весит мало, на порядок дороже ножей и хлопковых тканей. Покупатели в прямом смысле готовы снять с себя последние штаны, лишь бы получить заряженную ханкой трубку.

В любой цивилизованной стране на севере материка Науран, а так же в Стирии и Турмане на материке Ларж, фатрийцев наркоторговцев штыком и саблей вышибли бы вон за травлю подданных, но только не здесь. В Рюкун опиум, проклятую Великим Создателем ханку, продают широко и легально, не иначе с одобрения местных властей. Очень, очень плохой признак.

Саян отвернулся от торговца. Взгляд тут же упал на широкую доску над входом. Вывеска. Только вместо названия грубо намалёванная трубка для курения опиума. Ну правильно, это чтобы безграмотные наркоманы не прошли мимо.

– Так вы смотреть? – упрямо бубнит торговец. – Честно, честно я.

Ноги упорно не желают гнуться. Саян, пошатываясь словно пьяный, зашагал прочь от грязного притона. По левую руку по-прежнему бурлит и шумит на разные голоса большой базар, по правую тянется ряд домов с белыми стенами. Впереди показался ещё один грязный сарай. На широкой доске над входом всё тот же опознавательный знак – трубка для курения опиума. У входа с важным видом сидит ещё один «честный» торговец наркотой. А вот и результат его торговли: коренастый служка с наколками на руках грубо свалил на двухколёсную арбу безжизненное тело. Голова нищего наркомана неестественно вывернута в сторону. Этот уже выкурил последнюю в своей жалкой жизни трубку.

Что же, чёрт побери, делать? Саян шагнул в сторону. Мимо прогрохотала деревянная арба. Чахлый ослик с печальными глазами еле-еле переставляет копыта. Из кузова свешивается тело нищего наркомана. Саян недовольно скривился. И этот потратил последние деньги на наркоту. В свете яркого дня из-под задранной рубахи торчат туго обтянутые кожей рёбра. А по виду совсем молодой парень. Ему бы ещё жить да жить.

Впрочем, Саян брезгливо отвернулся, нужно уточнить. Во все времена и у всех народов самые бедные слои населения традиционно больше всего подвержены соблазнам наркотического дурмана. В конечном итоге не они определяют насколько общество в целом больно наркоманией.

Соваться в базарную толчею очень не хочется. По широкой дуге, через боковые улочки и проходы, Саян обошёл шумный рынок. Срочно нужно проверить одно предположение. А для этого придётся топтать в центр Тургала. Саян прибавил шагу, не дай бог оказаться правым. Не дай бог.

Глава 5. Страна под кайфом

Рюкун – густо населённая страна. Не удивительно, что и его столица поражает размерами. Тивница, столица Марнеи, и то меньше.

Чем ближе к центру Тургала, тем всё более и более величественными и пышными становятся дома. Каменные ограды вокруг них всё выше и выше, а привратники у кованых ворот и калиток всё упитанней и наглее. Да и стражники в начищенных до блеска шишаках попадают всё чаще и чаще.

Центр Тургала носит пышное название Площадь величия. Не ясно, как там с величием народного духа Рюкуна, а вот дворец правителя действительно весьма величественное сооружение. Ширина дворцового комплекса не меньше двух километров. Высокие стены белые словно снег на горных вершинах Станового хребта. Башни по углам и над воротами украшены грандиозными куполами в виде луковиц. С пяток ещё более грандиозный «луковиц» выглядывают из-за стены. Говорят, самая большая из них находится над тронным залом. К сожалению, туристических экскурсий во дворец правителя Рюкуна не бывает. Ну и ладно, Саян остановился на краю Площади величия.

По дороге в центр города то и дело попадались вывески с трубкой для курения опиума. От грязный досок для самых бедных и неграмотных, до витиеватых названий с цветными рисунками и даже скульптурными группами для самых богатых. Неизменно одно – трубка для курения опиума.

Господи! Да сколько же их! На любой вкус и кошелёк. Пока сбываются самые дурные предположения. Однако душа, она такая, упорно держится до последнего и надеется, надеется, надеется назло всем очевидным фактам и вывескам. Саян двинулся вдоль площади, глаза напряжённо разглядывают фасады домов.

В центре Тургала живёт элита рюкунского общества, самые богатые и влиятельные вельможи. Дома под стать титулам и званиям: высокие ограды, два, три и даже четыре этажа, округлые купола, широкие окна и причудливые узоры на стенах. Испокон веков Рюкун славился богатством и роскошью. В Марнее очень долго считали, что именно здесь улицы мостят золотыми слитками. Площадь величия, дома высших сановников и, конечно же, дворец правителя, олицетворяют величие и богатство страны.

А вот и то, что так упорно искал и что так надеялся никогда не найти. Саян остановился перед широко распахнутыми воротами. Внутри небольшой ухоженный садик с финиковыми пальмами, виноградными лозами и типичный дом богатого рюкунца: три этажа, в центре округлый купол с квадратной мозаикой, высокое крыльцо с мраморной лестницей. На стене рядом с распахнутыми воротами на фатрийском, гилканском, марнейском и рюкунском языках одна и та же надпись: «Райская долина».

Плитки на широкой аллее к высокому крыльцу уложены так плотно и надраены до такой зеркальной чистоты, что кажется, будто идёшь по тонкому льду. Возле высоких дверей с бронзовыми ручками самый настоящий швейцар в длинной до пят ливрее ярко-голубого цвета, на руках белые перчатки. Только на голове вместо фуражки или картуза дорогой тюрбан фиолетового цвета.

– Витус.

Швейцар лишь вежливо поклонился, когда Саян прошёл мимо. В любой цивилизованной стране рядового матроса в поношенных штанах и старых башмаках ни за что не пустили бы в столь престижное и, несомненно, дорогое заведение. Однако в Рюкуне любого иноземца принимают за витуса.

В просторном вестибюле пол выложен чёрными и белыми мраморными плитками. В небольших альковах по краям на чугунных постаментах большие фарфоровые вазы. Налево и направо широкие проходы, прямо по центру на второй и третий этажи ведёт широкая лестница. Мраморные ступеньки укрыты длинным красным ковром. Саян глубоко и свободно вздохнул. Толстые стены великолепно защищают от зноя снаружи.

Из проходов вправо и влево долетают приятная музыка и обворожительные запахи. Саян повернул голову. Через высокий полукруглый проход отлично виден самый настоящий фатрийский ресторан. У дальней стены на небольшой сцене музыканты в чёрных фраках выводят незатейливую мелодию. Прямоугольный зал со сводчатым потолком заставлен круглыми столиками. Свет многочисленных свечей отражается от белизны скатертей и серебряных приборов. На мужчинах

сюртуки и фраки, из рукавов выглядывают пышные рукава рубашек. Женщины в длинных платьях с вырезами на груди и спине. Золотые серёжки, браслеты, кулоны сверкают алмазами, рубинами и прочими драгоценными камнями.

Ни дать, ни взять дорогой ресторан в центре Вардина, столицы Фатрии. Лишь по более смуглым физиономиям официантов уроженцев Рюкуна можно догадаться, что ресторан всё же не во Фатрии, а гораздо, гораздо южнее.

Мимо прохода проскользнул официант с подносом. Вестибюль перед лестницей тут же наполнился запахом жаренной баранины. Желудок недовольно заурчал. Саян сглотнул, из-за обилия впечатлений напрочь забыл перекусить. На том же базаре не помешало бы отведать того чудесного шашлычка. В этом ресторане, быстрее всего, его, как бедного моряка, обслуживать не будут.

Ковёр на мраморной лестнице тщательно вычищен. Бронзовые прутья прижимают его к ступеням, дабы именитые посетители «Райской долины» не споткнулись ненароком на его складках. Саян дотронулся до каменных перил, пальцы ощутили прохладу, весьма приятный контраст с жарой за высокой массивной дверью.

На площадке второго этажа не просто вывеска, а большая скульптура из белого мрамора. Кажется, будто гигант на пару минут прислонил к стене огромную трубку для курения опиума. Верхний конец рифлёного мундштука чуть-чуть не доходит до потолка. Как такую красоту и тяжесть затащили на второй этаж лучше не спрашивать.

За спиной раздался женский смех, словно забренчали серебряные колокольчики. Саян развернулся да так резко, что едва не поскользнулся на гладком полу. Смех зазвучал ещё громче. С третьего этажа спускаются две необычайно красивые молодые женщины в чересчур открытых кандурах. Сквозь большие вырезы на бёдрах, боках и предплечьях то и дело мелькают самые сокровенные женские прелести. Толстый ковёр на каменной лестнице скрывает их лёгкие шаги.

В Рюкун царят очень строгие моральные правила. Лишь самые бедные, кого отвергает благовоспитанное общество, могут бродить по улицам нагишом. Порядочным женщинам полагается прятать лица за платками. Лица двух красавиц на каменной лестнице прикрыты ярко-синими платками. Однако ткань настолько тонкая, настолько прозрачная, что совершенно не скрывает их белоснежные зубки и ярко-красные губы. Кандуры из лёгкого шёлка не прячут, а только подчёркивают прелести молодых упругих тел. А взгляды, что за взгляды. Ни малейшего намёка на стыд. Наоборот! Призыв и откровенный намёк.

Саян тряхнул головой. Столь легко и прозрачно, так призывно и откровенно могут одеваться только профессиональные жрицы любви. Даже язык не поворачивается назвать их проститутками.

Картинка окончательно сложилась. «Райская долина» – самый дорогой, самый престижный в Тургале притон. На первом этаже ресторан для любителей со вкусом пожрать и нажраться. На втором курильня опиума для тех, чей изысканный вкус уже не могут удовлетворить охлаждённые мозги гиббона, суп из соловьиных язычков и вина столетней выдержки. Ещё выше находится бордель для самых физически стойких клиентов, у которых только хватит сил и желания подняться на третий этаж. Хотя, Саян про себя усмехнулся, почему-то считается, будто опиум увеличивает мужскую силу. Бред, конечно же. Мужчин, которые крепко и основательно подсели на ханку, женщины не интересуют вовсе.

Обворожительные красавицы спустились на первый этаж. Снизу ещё долго долетал их весёлый смех. Саян перевёл дух, любовный дурман наконец рассеялся. Пройдёт ещё много, много лет, прежде чем подобные красотки станут ему по карману.

В небольшом алькове за стойкой из красного дерева стоит самый настоящий администратор, приятный мужчина в безупречном чёрном фраке и белых перчатках, волосы тщательно прилизаны.

– Желаете приятно провести время? – на хорошем фатрийском с едва уловимым акцентом произнёс администратор. – Разрешите предложить вам нашу коллекцию.

Прилизанный администратор показал на стойку за спиной. На узких полочках расставлена весьма внушительная и респектабельная коллекция трубок для курения опиума и масляных ламп для выпаривания. Действительно коллекция, никаких дешёвых поделок из глины с обкусанными мундштуками, лишь красное дерево, слоновая кость, серебро и даже золото.

Не смотря на безупречный чёрный фрак, белые перчатки и отличное фатрийское произношение администратор за стойкой тот же торговец наркотой, только для самых богатых и высокопоставленных наркоманов.

– Будьте любезны, – Саян перешёл на фатрийский, – кто из присутствующих в вашем заведении в данный момент самый влиятельный и богатый?

Аккуратно, как бы невзначай, Саян опустил в широкую фарфоровую чашу перед администратором серебряный дирхем. Даже самый крутой притон не может обойтись без блюда для сбора денег.

– В данный момент в нашем заведении находится высокоуважаемый и всеми любимый Амзул Ласич Няншан, сын и наследник нашего славного правителя Ласича 8, да пошлёт ему Великий Создатель здоровья и долголетия.

Саян тихо присвистнул. Вот уж действительно: от удивления глаза едва на лоб не вылезли. Витус Амзул Няншан, в недалёком будущем правитель Рюкуна под именем Амзул 6.

– Не желаете ли приятно провести время? – администратор обворожительно улыбнулся.

Серебряный дирхем таинственным образом растворился на две фарфоровой чаши. С такими пальцами как у администратора самое время на рынке чистить карманы и кошельки рассеянных покупателей.

– Где принц? – Саян пропустил вопрос мимо ушей.

– В номере шесть, это налево, – администратор махнул в сторону тонкой рукой.

– Благодарю, – Саян отошёл от стойки.

Как и вестибюль, левое крыло «Райской долины» поражает богатством, роскошью и надраенной чистотой. В широкий коридор выходят многочисленные двери с ярко-красными номерами на полированных дощечках, а сам коридор извивается весьма причудливым образом. Саян на миг притормозил возле очередного поворота. Как не трудно догадаться, на втором этаже когда-то были весьма просторные апартаменты. Однако сейчас они разделены на многочисленные клетушки, больше похожие на кельи святых отшельников в недрах горной пещеры. А вот и номер шесть.

Саян толкнул дверцу с ярко-красной цифрой шесть на уровне глаз. Не заперто? Наследный принц, будущий правитель Рюкуна, либо чересчур беспечен, либо чересчур доверяет людям. Быстрее всего первый вариант. Тонкая дверь мягко захлопнулась за спиной. Саян поморщился, в нос тут же ударил специфический запах опиума.

По размерам номер шесть может и похож на келью святого отшельника, однако по убранству и богатству целиком и полностью соответствует «Райской долине». У правой стены широкое каменное ложе с мягкой обивкой. У изголовья маленький круглый столик из красного дерева, на столешнице мозаичный узор из белых и чёрных ромбов. Стены и потолок разрисованы природными пейзажами. Номер освещает единственная масляная лампа для выпаривания опиума.

Мерцающий огонёк производит интересный эффект. Словно в театре теней. Кажется, будто тростник на стенах колыхается под напором легкого ветерка, слон с поднятых хоботом машет ушами, журчит и переливается вода в ручье, а по нарисованному небу скользят округлые тучки.

Курение опиума располагает к уединению. В отличие от грязной и вонючей курильни для бедняков, номер в «Райской долине» выскоблен до блеска. Не смотря на пары опиума в воздухе ощущается запах роз.

– Алила, любовь моя, это ты? – раздался пьяный голос с отличным фатрийским произношением и едва уловимым акцентом, как у администратора на лестничной площадке.

На груди подушек шевельнулась высокая худощавая фигура. Саян прищурился, глазам потребовалось время, чтобы приспособиться к полумраку. На каменном ложе возлегал витус Амзул Няншан, будущий правитель Рюкуна Амзул б. На принце пышная белая рубашка с широкими узорчатыми рукавами и чёрные панталоны. Роскошный фрак небрежно брошен за подушками. Глаза принца широко распахнуты. Длинная трубка с золотым мундштуком медленно и вяло покачивается в его руках.

– Алил-л-ла! – принц глупо захихикал.

Трубка поползла на масляную лампу, округлый испаритель замер над язычком жёлтого пламени. Принц глубоко втянул в себя пары опиума и вновь глупо захихикал.

Удивление сменилось омерзением. Саян инстинктивно шагнул назад, спина с глухим стуком упёрлась в дверной косяк. Наследный принц, будущая опора и надежда Рюкуна, валяется на каменном ложе в наркотическом опьянении. Да как такое возможно?

– Алила, любовь моя, – игриво протянул принц, – ты, наконец, пришла разделить со мной радость бытия? Ну садись же. Садись.

Саян машинально присел на край каменного ложа. Обивка на ощупь бархатная.

– Я же много раз тебе говорил: высший смысл жизни – поиск удовольствий.

Принц не понимает, с кем разговаривает. Наркотик расширяет зрачки и делает наркомана подслеповатым.

– Не менее, а даже более важно всячески избегать боли и тяжёлого физического труда, – игриво растягивая слова, продолжил принц. – Наслаждение, самое изысканное наслаждение... Вот истинный смысл жизни. Алил-л-ла!

Свет масляной лампы вновь затмила трубка для курения опиума.

Невероятно! Саян будто под гипнозом уставился на мерцающий язычок пламени. Будущий правитель в первую очередь обязан думать о стране, о подданных.

– Наслаждение, это мягкое и нежное состояние души. Боль делает её грубой и порывистой, – наследный принц вновь глупо захихикал.

Это же... тело гоняется за удовольствиями, да ещё пытается прикрыть собственные пороки философским учением.

Саян сам не заметил, как сжал кулаки. Гнев, обида и раздражение вспыхнули в его душе огненным шаром. Саян рывком поднялся на ноги, башмаки гулко стукнулись о мраморный пол. Это слишком!

Кажется, будто маленький номер шесть насквозь пропитался чёрной липкой жижей. С потолка, со стен, даже с кончика длинной трубки для курения опиума стекают блестящие жирные капли и капают, капают омерзительной капелью. На полу скопилась большая лужа чёрной субстанции, которая медленно подбирается к ступням и почти касается подошв. Саян тряхнул левой ногой. Какая гадость!

– Алил-л-ла! – игриво протянул принц и опять, в который раз, глупо захихикал.

Тысяча злых пчёл с длинными и необычайно острыми жалами разом впились в ягодицы, Саян стрелой вылетел из маленькой полутёмной комнатки. Тонкая дверца с ярко-красной цифрой шесть на полированной дощечке равнодушно встала на место. Кошмар порока и ужас будущего Рюкуна остался лежать на каменном ложе с бархатной обивкой.

– Гадость! – Саян смачно плюнул на ярко-красную цифру шесть.

Густая слюна медленно потекла вниз по полированной дощечке. Весьма символично: будущий правитель Рюкуна Амзул 6 облюбовал номер с той же цифрой. Чтоб он навсегда остался в этой липовой келье суперлюкс! Для миллионов будущих подданных Амзула 6 во истину смерть принца была бы высшим благом. Чтоб у него золотой мундштук по среди горла встал!

Саян торопливо выскочил вон из «Райской долины». Мечты и надежды, с которыми он пересёк материк Науран, переплыл Южный океан и больше часа пробирался на жаре по улица Тургала, разом потускнели, почернели и рассыпались в прах. На каменном ложе с бархатной обивкой надежда только что умерла последней.

Глава 6. Большой облом

– Ты даже не представляешь, какие фантастические возможности открываются для толкового человека в этом сраном Рюкуне!

Калин, приказчик какого-то там купца из Фатрии, выразительно шлёпнул пустой кружкой о край барной стойки, остатки пивной пены тут же вылетели наружу и, словно хлопья снега, осели на его загнутых рукавах. – Тупой голытьбы, быдла безродного, которая только кулаками махать умеет, да мешки с хлопком таскать, на каждом углу по пять штук стены подпирает. А вот грамотных – шиш, да ни шиша. Если читать умеешь, писать умеешь, считать умеешь, языки там разные балакаешь, тебя любой торговец с руками оторвёт. Да, только, зачем на чужого дядю до конца дней своих корячиться? В этом сраном Рюкуне умный человек как два пальца об стол сколотит приличный капитал. Были бы мозги, да нервы железные...

Калин Алил, случайный собутыльник, продолжает вещать, предлагать и уговаривать. Саян слушает трескотню фатрийца вполуха. Сушёный окунь не спеша идёт под кружечку светлого пива.

Таверна «Тихая пристань» находится недалеко от морского порта. Несколько лет назад в этом самом доме был классический трёхэтажный караван-сарай с земляным полом, потными погонщиками и степными рюкунскими купцами в белых тюрбанах. За низенькими столиками постояльцы караван-сарая неспешно потягивали вино и торговали хлопком, железом, кукурузой, шёлковыми тканями.

Фатриец Зоян Ибуж купил караван-сарай, подремонтировал его, перестроил на фатрийский лад и открыл таверну под вывеской «Тихая пристань». Расчёт более чем верный: купцам из Фатрии куда как привычней пить пиво и закусывать сушёными карасями за прямоугольными столами на стульях со спинками.

Место тихое и опрятное. Отличное вино, всегда свежее пиво, добротная фатрийская овсянка, жареное мясо и пироги с яблоками. Пусть цены нельзя назвать низкими, всего за одну ночь утус Ибуж запросил десять сови́ртов, зато здесь не бывает пьяных компаний, мордобоя и громогласного выяснения отношений. Да и за десять сови́ртов Саян получил не соломенный матрас с клопами, а маленькую уютную комнату на третьем этаже с кроватью, шерстяным одеялом и с рукомойником у изголовья.

В «Тихую пристань» заглядывают люди степенные, спокойные капитаны, приказчики и купцы. По этим же причинам Саян решил переночевать в «Тихой пристани».

Саян слабо щёлкнул пальцами. Утус Ибуж тут же поставил рядом полную кружку с пивом и забрал пустую. Или потребовать вина? Саян подхватил стеклянную кружку, белая пена пушистыми хлопьями упала на барную стойку. Нет, не стоит. Для жаркого Рюкуна прохладное пиво куда как лучше.

Да-а-а... Будущий правитель Рюкуна в наркотическом угаре – ещё то зрелище. Маленьким детям на ночь лучше не рассказывать. Чего, чего, а увидеть подобное ну ни как не ожидал. Что же тогда можно подумать о самом Ласиче 8, ныне здравствующем правителе Рюкуна? А о его приближённых, высших сановниках? А о всей элите страны в целом? Упокой господи их здравый рассудок и гордость.

До самого вечера Саян бродил, бродил по улица Тургала. От бывшего приподнятого настроения, что так радовало его с утра, не осталось ни крошки. Ужас! Если Ролозкий архипелаг колония в хорошем значении этого слова, то Рюкун – в худшем. Фатрийцы грабят страну обоими руками в три горла без малейшего зазрения совести. Местные ремесленники на грани выживания, рынок завален дешёвым ширпотребом из Фатрии.

Квартал иноземцев нашёлся таки на другой стороне порта. Две или три улицы застроены типичными фатрийскими домами из красного обожжённого кирпича высотой в два-три этажа с раздвижными окнами и треугольными крышами. Перед каждым домом небольшой садик с дорожками или тщательно постриженные лужайки. В центре иноземного квартала самый настоящий дворец самого главного торгового представителя. А на против него просторное здание биржи со множеством колонн и высокими стрельчатыми окнами.

Там же, на другом конце торгового квартала, фатрийцы построили современную крепость. Солдаты в красных мундирах и пробковых шлемах разгуливают по верху массивных бастаионов. Из амбразур торчат не чугунные монстры позапрошлого века, а современные крепостные пушки весьма солидного калибра. Ни одно по-настоящему независимое государство не потерпит на собственной территории, тем более в столице, чужой крепости с чужим гарнизоном.

Самое печальное не красные мундиры фатрийских солдат и шёлковые ткани с печатями фатрийских фабрик. Курильни опиума, грязные вонючие сараи или респектабельные салоны, встречаются буквально на каждом шагу. Некогда великий народ некогда могучего государства валяется под кайфом.

В расстроенных чувствах Саян завалился в фатрийскую же «Тихую пристань». Горло грызёт жгучее желание выпить вдрызг. Может, и в самом деле заказать в номер бутылку вина без закуси?

– Если вздуматься, это же гениальная торговая схема.

Приказчик Калин Алил изрядно накачался пивом. Молчание Саяна только распаляет его болтливость.

– В Аргунии... Ну, это, в общем, далеко, – Алил махнул рукой, – опиум в огромных количествах делают. А толкают его здесь, в Рюкун. Как его там... А! Ласич семь с половиной, правитель типа, с удовольствием пыхтит трубкой и подданных своих приучает. Ради очередной дозы он маму родную продаст хоть в публичный дом, хоть на мясо.

Я, было дело, хотел было прихватить из Аргунии ящик другой опиума, но нельзя – приказчик Алил грустно вздохнул, – монополия, понимаешь. Вот и приходится возиться с ножами и вилками.

Вывод крайне неутешительный, – Саян вновь щёлкнул пальцами, утус Ибуж тут же поставил полную кружку с пивом, – Рюкун, в качестве противовеса

менгам, решительно не годится. Случилось самое страшное, самое печальное, что только может быть – сгнила элита. Рюкун крепко сидит на опиумной трубке. Потребуется годы и десятилетия, чтобы даже до самого тупого крестьянина дошли все прелести жизни под кайфом. Народ должен переболеть наркотой, приобрести хотя бы некое подобие иммунитета. Наиболее морально слабые должны вымереть. А иначе нельзя. Только так появятся люди, которые с оружием в руках будут готовы бороться с засильем иноземцев и с дурью, которая убивает рюкунцев.

В любом случае, Саян со звоном поставил наполовину пустую кружку на барную стойку, местную элиту придётся целиком и полностью менять. На воспитание и обучение новой уйдут годы и десятилетия. Лет тридцать, сорок, а то и все пятьдесят потребуется лишь на то, чтобы вывести Рюкун из-под кайфа. Дело, конечно, благородное, но... Саян криво улыбнулся, не для этого, совсем, совсем не для этого он прибыл в Тургал. Для прогресса человечества у него есть Марнея. А на этом берегу Южного океана у него другие задачи. Главная цель очередной жизни определена и она не исцеление Рюкуна.

Если так и дальше пойдёт, то Рюкун рухнет под натиском первого же завоевателя. Вывести страну из-под кайфа можно гораздо, гораздо быстрее, только для этого потребуются обильное кровопускание. Тот же притон недалеко от загона торговцев скотом можно окружить ротой солдат, наркоманов повесить на ближайших заборах, а «честного» торговца опиумом посадить на кол, чтобы другим неповадно было. Но-о-о... Саян забросил в рот шматок солёной рыбы, мечты, мечты. Пустые и глупые мечты.

– Саян! – приказчик Алил грубо толкнул в плечо. – Слышь, что говорю? Мне компаньон нужен. В этом сраном Рюкуне всё давно поделено и огорожено. Другое дело Гунсар, там, это, южнее который. В прошлом году генерал Дартин там как раз порядок навёл. Как его там... Озара Ремана, строптивного, скинул, а на его трон более покладистого братца посадил. В Гунсар когти рвать надо. С витусом Хруновым договориться можно.

Нетвёрдой рукой приказчик Алил поднял кружку с пивом. Тонкие жёлтые ручейки стекли по его подбородку на изрядно закапанную манишку.

Дрянное дело, Саян тяжело вздохнул. Непродолжительную войну между Гунсаром и Фатрией уже прозвали Опиумной войной. Самое паршивое то, что это была новая война, совершенно другая война, не такая, как обычно.

Главная задача обычной войны – приобрести территорию, завоевать её, удержать за собой. Фатрийцам не нужна была ни одна пята Гунсара, не для этого они развязали Первую опиумную войну. Всё, что требовалось Фатрии – скинуть неугодного правителя, посадить на его место гораздо более покладистого, пробить для себя побольше выгодных законов и привилегий. Там... символические пошлины на ввоз товаров, запрет судить торговцев и прочее в том же духе.

То, как Гунсар проиграл войну, ещё долго будет позорной страницей в его истории. Большую страну с многомиллионным населением поставил на колени всего лишь десятитысячный экспедиционный корпус. И дело не в технической отсталости гунсарцев, нет.

Гунсарские солдаты обладают крайне низким боевым духом. Сплошь и рядом они оставляли хорошо укреплённые форты с кучей пушек и ещё большим количеством боеприпасов и продовольствия, едва первые фатрийские снаряды падали возле их стен. Армии в двадцать, тридцать, сорок тысяч человек разбежались перед тысячным отрядом фатрийцев после первых же выстрелов.

Да, техническая отсталость Гунсара дала о себе знать, но не до такой же степени. Если бы дух гунсарцев был бы так же крепок как у тассунарцев, то Фатрия умылась бы кровью. Но! Чего нет, того нет.

– Так вот.

С громким стуком приказчик Алил уронил пустую кружку на барную стойку. От неожиданности Саян вздрогнул.

– План таков: – приказчик Алил пьяно рыгнул, – берём у Хрунова ящик другой дури, дуем в Гаодан, это столица Гунсара сраного, и заводим собственную торговлю ханкой, – приказчик Алил стёр пивные усы, на его оплывшем лице всеми цветами радуги играет самодовольство.

Ну да, по началу придётся самим дурь толкать. Там, это, сарай какой-нибудь сляпать. Трубки, лампы оптом дешевле взять. Мальчишка, ну, который, это, трубки заряжать, у меня есть на примете. Ловкий, подлец. Зато потом... Развернёмся... Научим гунсарцев цивилизации! Ханку напрямую из Аргунии гнать будем, – приказчик Алил замахал руками. – Главное, самому эту дурь не курить.

Саян молча закинул в рот кусок солёного карася. По площади, количеству населения и ресурсов Гунсар раза в три больше Рюкуна, только на роль противовеса менгам годится ровно в три раза меньше. Гунсар не является единым централизованным государством, вот в чём проблема. Он застрял на стадии феодальной раздробленности. Графы, бароны, князья, или как они там на гунсарском, зубами и рогами держатся за свою независимость.

Что самое противное, с помощью пушек и ружей фатрийцы прижали к ногтю всех без исключения феодальных правителей, но... В объединённом Гунсаре, едином централизованном государстве, они заинтересованы ещё меньше недобитых феодалов. Да ещё торговля опиумом. В недалёком будущем Гунсар разделит участь Рюкуна. Приказчик Алил, наркобарон доморощенный, яркое тому подтверждение.

Пока выводить из-под кайфа Гунсар не требуется. Но объединить его... ещё целая жизнь потребуется. О модернизации, индустриализации и создании полноценного противовеса менгам не может быть и речи. Быстрее бараны договорятся между собой и загрызут волка.

На душе грустно и муторно. Саян в раздражении оттолкнул от себя пустую кружку. И вряд ли отличное пиво «Тихой пристани» тому виной. Захотелось дать болтливому Алилу в морду, покинуть постылый уют таверны и выйти, выскочить, на свежий воздух.

– Я, это, проветриться, – Саян высыпал на барную стойку десять медных совиртов.

– Э-э-э! Погодь! – приказчик Алил от удивления выпучил пьяные глаза. – Так ты согласен или нет?

«Тихая пристань» находится рядом с портом. Узкая кривая улочка, больше похожая на пыльную тропинку, вывела прямо к ряду насыпных причалов. Тёмными силуэтам выстроились торговые суда. Словно яркие звёздочки на фальшбортах сияют фонари. Возле высокого штабеля тюков с хлопком сторож, старый моряк в драной рубашке с закатанными рукавами, подозрительно покосился на Саяна, но ничего не сказал.

Саян остановился у причала. Тишина. Над головой яркое звёздное небо. Свежий морской ветерок слегка рассеял в голове пивные пары. Бриги, флейты, шхуны примостились возле каменной ограды причала, словно уставшие после долгой дороги путники. Мостки и трапы убраны. Лишь изредка свет фонаря заслонит заспанное лицо моряка. Только утром, с первыми лучами Геполы, большой порт вновь наполнится шумом и гамом, вновь завертится бесконечный цикл погрузки – разгрузки. А пока над причалами и набережной царят тишина и сонное спокойствие.

Кожаные каблуки чуть слышно шуршат по каменным плиткам. Саян, не зная куда и зачем, побрёл по причалу. По левую руку красавиц бриг, убранные паруса висят под реями толстыми белыми свёртками. На носу большими буквами помарнейски вырезано «Чайка». Саян тупо уставился на название.

Может... и в самом деле вернуться в Марнею? Посвятить очередную жизнь прогрессу человечества. Очень даже благородная цель. Так ведь.. И так каждая вторая жизнь принадлежит ей. Или, Саян обернулся. На противоположной стороне причала из темноты выступает шлюп. На грот-мачте лениво колыхнется сине-белый полосатый флаг. Стирия – тоже вариант.

Гражданская война в Стирии между людьми на севере и менгами на юге в самом разгаре. Бывшие рабы и в самом деле зубами держатся за каждый город, за каждую деревню, хутор, переправу. Недавно им вроде как удалось отбить наступление федеральной армии на Набэк, крупный город на юге Стирии, столицу никем не признанного государства Янгор.

Отличный вариант! Саян подошёл ближе к стирийскому судну. На носу в потёмках едва можно разобрать название: «Гордый». Стирийцы принимают в федеральную армию всех, у кого пять пальцев на обоих руках. Можно будет сделать головокружительную карьеру. Это в мирное время продвижение в чинах и званиях идёт медленно и со скрипом, а во время войны после каждого более-менее крупного сражения появляется куча вакансий. Заодно можно будет наладить отношения с Марнеей.

Саян повернул голову. Дальше по причалу ещё один шлюп. На корме висит красно-белый флаг. Турмана, колония Марнеи на материке Ларж. Не-е-е! Отпадает сразу. Турманцы ещё не успели забыть, кто именно спас их от независимости. Фанатики с революционными идеями вместо мозгов до сих пор собираются в конспиративных кабаках для политических попок. Всю жизнь придётся упорно доказывать, будто ты ни сын, ни внук, ни сват Саяна Коста.

Возле края причала бриг из Дорманы, самого развитого государства менгов на материке Чалос. Большой фонарь на фок-мачте освещает палубу. Из-за фальшборта высунулась заспанная физиономия менга. Даже в жёлтом свете фонаря матрос похож на золотого истукана. Глаза бы не видели! Саян насупился. Словно издеваясь, моряк принялся тереть глаз четырёхпалой рукой. Морду что ли набить? Не стоит шум поднимать. Моряк недовольно буркнул под нос и снова скрылся за фальшбортом.

Дормана... Саян перевёл взгляд на фонарь на фок-мачте, ночная мошкара тычется в грязное стекло. Отличный вариант! Направиться в логово заклятого врага и навести там шороху. Великая цель и великая месть – две главные, они же единственные, партии в долгой, очень долгой жизни на Миреме.

Если отправить на тот свет сотню лучших представителей желтолицых, то Дормана самым натуральным образом споткнётся на пути прогресса. Только, Саян отвернулся, толку чуть. Это раньше, три-четыре тысячелетия назад, можно было нанести большой урон, но только не сейчас. Сейчас менгов слишком много. Расплодились, кролики четырёхпалые. Политическая и научная элита Дорманы насчитывает тысячи менгов. Убийство трёх-четырёх сотен погоды не сделает. Да и сейчас время для великой цели, великая месть подождёт. Тогда, Саян рассеянно глянул по сторонам, что же делать?

Самый важный вопрос повис в воздухе. Как и три месяца назад в жилой пещере в «Там, где живёт вечность», сомнения раздирают душу на кусочки. Только на этот раз решать нужно быстро. Кошелёк с золотыми и серебряными виртами во внутреннем кармане рубашки не бездонный. Через месяц другой будет не до глобальных проблем, придётся думать об элементарном пропитании и крыше над головой.

Не то, не то. Всё не то! Саян остановился на краю причала. Внизу тёмные воды моря Окмары тихо лижут зелёные от водорослей камни. Варианты есть, некоторые из них очень даже заманчивые, но... Саян в раздражении пнул сухую головёшку, они отвлекают от самого главного. Если не сейчас, то лет через

пятьдесят, сто, двести проблема с противовесом менгам встанет в полный рост и даст кулаком между глаз. Не исключено, что Дормана тем или иным образом возьмёт под контроль все государства менгов как на самом Чалосе, так и на Колбане, на материке на другой стороне Янтарного океана.

Кстати, почему пусто? Саян глянул по сторонам. Место возле каменного причала совершенно свободно. Непорядок. Как рассказывали моряки на «Имбире», Тургал очень загруженный порт. Бывало ни раз и не два, что флейту приходилось торчать на внешнем рейде в ожидании свободного места у причалов. Наверняка ещё сегодня вечером до наступления темноты с этого самого места отчалило какое-нибудь судно на юг, в сторону выхода из порта.

«На юг... На юг...» Саян задумчиво уставился на далёкую точку на горизонте, где должна быть та самая маленькая крепость, которая охраняет вход в гавань. А... Ведь... Саян наморщил лоб, на юге, точнее на юго-востоке, находится большой остров Тассунара. Тассунарская империя, ещё одно государство людей. Пусть не на самом материке Чалос, зато рядом, под боком.

Тассунарский архипелаг протянулся на несколько тысяч километров с севера на юг. Именно он отделяет море Окмара от вод Бескрайнего океана, самого большого на Миреме. Если прикинуть, то... Саян наморщил лоб, Тассунарская империя по площади и населению если и меньше Рюкуна, то не намного. Может быть даже больше. В Тассунарском архипелаге уйма островов.

Ныне здравствующая Тассунарская империя возникла тысячи полторы лет назад. Там, правда, три или четыре сотни лет назад шла нешуточная междоусобица. Как их там? Самураи – отличные воины, такое рубилово учинили. Зато островное положение империи как ни что иное способствует укреплению централизованной власти. Сейчас, вроде как, никаких войн на острове нет. Правда, с вестями о самой Тассунаре негусто.

А это... вариант! Саян резко развернулся на месте и скорым шагом направился прочь с причала. Эхо торопливых шагов испуганно заметалось между судами. Правда, непонятно, какой именно вариант? Может гнилой, а, может, и не очень. Но, всё же, вариант. Других крупных государств в этой части материка Чалос больше нет. Лишь только по этой причине имеет смысл проверить и эту возможность.

Большой фонарь над дубовой дверью «Тихой пристани» зазывает запоздалых путников перекусить и отдохнуть. Саян потянул на себя дверную ручку. В Тургал каждый день заходят десятки судов. Наверняка парочка из них направляется в Нандин, столицу Тассунары. Хорошие моряки всегда нужны. В «Тихую пристань» любят наведываться капитаны торговых судов. Наверняка утус Ибуж, владелец таверны, подскажет к кому обратиться.

– Скажите, уважаемый, – Саян присел на высокий табурет возле барной стойки, – какое судно в самое ближайшее время отправляется в Тассунару?

– Ну... – утус Ибуж в глубокой задумчивости принялся протирать белой тряпочкой и без того чистую пивную кружку, – не могу знать.

– Это так? – от удивления Саян вытаращил глаза на владельца таверны.

Тот, к кому за эту самую стойку каждый день присаживаются десятки капитанов, и не знает?

– А так! – приказчик Алил оторвал голову от барной стойки.

Фатриец изрядно накачался пивом. И почему утус Ибуж ещё не кивнул мускулисту слуге отнести пьяного посетителя в одну из общих комнат?

– Проклятые тассунарцы ни с кем не торгуют, – приказчик Алил пьяно икнул. – Любому иноземцу, который только рискнёт вступить на их проклятый остров, тут же секир-башка, – пьяный фатриец выразительно провёл большим пальцем по горлу.

– Да, это действительно так, – утус Ибуж поставил идеально чистую кружку на барную стойку и взялся за следующую. – Вот уже почти три сотни лет Тассунарская империя придерживается строгой самоизоляции от внешнего мира. Время от времени на берег Чалоса морские волны выбрасывают тассунарских моряков. Так вот, специальным указом императора этим бедолагам категорически запрещено возвращаться домой. А иначе им и в самом деле отрубят голову.

Что за бред? Саян машинально щёлкнул пальцами, утус Ибуж тут же поставил перед ним полную кружку. Пивная пена возвышается над верхним краем, но не стекает по нему. Если Тассунара шарахается от иноземцев как от чумы, то... это хорошо! Только...

– Как же туда попасть? – вслух произнёс Саян.

– Как обычно – морем, на торговом судне, – утус Ибуж хитро улыбнулся.

– Вы что-то знаете? – Саян поднял полную кружку, пивная шапка качнулась и перетекла через край.

– Ну, как сказать, – утус Ибуж вновь принялся протирать белой тряпочкой и без того чистую кружку.

Владелец таверны до последнего тянет удовольствие. Или надеется продать информацию? Только ничего у него не выйдет. Саян не спеша, смакую каждую каплю, сделал несколько глотков. Отличное пиво, свежее. Играть в ожидание можно и вдвоём. Однако пауза затягивается.

– Утус Ибуж, – Саян смахнул с губ пивные усики, – я, ведь, могу у других спросить.

Владелец таверны нахмурил брови и сжал губы.

– На самом деле в Тассунаре есть пара факторий, Фатрии и как раз Марнеи, – утус Ибуж резко поставил кружку на барную стойку, – только не в столице, а в маленьком городишке Давизун. Бухта там такая узкая, что два фрегата ни за что не поместятся. Коль ты марнеец, то вполне можешь прогуляться по Давизуну. Но если хотя бы попытаешься высунуть нос за его пределы, то и в самом деле секир-башка, – утус Ибуж выразительно провёл пальцем по горлу.

– Так если фактории всё так есть и суда туда ходят, то почему вы не в курсе? – Саян вновь взял пивную кружку.

– Тассунарцы разрешают заходить не более пяти судам в месяц. Не так давно из Рюкуна и Гунсара они допускали по десять судов, но только самих рюкунцев и гунсарцев. Ну а так как сейчас ни Рюкун, ни Гунсар флота больше не имеют... – утус Ибуж выразительно развёл руками, белая тряпочка, словно белый флаг поражения, зажата между пальцами.

Рюкунские и гунсарские купцы не выдержали конкуренции с Фатрией и разорились – мысленно закончил Саян. Хотя... Это ещё лучше. Иноземное влияние в Тассунаре должно быть едва отличным от нуля. Любой нормальный император не даст травить своих подданных, бесценных налогоплательщиков, опиумом. Правда, Саян мысленно одёрнул сам себя, как бы условия на острове не оказались бы ещё более паршивыми. В любом случае Тассунара стоит того, чтобы навестить её. Другой альтернативы просто нет.

– Так, может, всё таки припомните хотя бы одно судно, которое в ближайшее время направляется в Давизун? – Саян поднял глаза на утуса Ибужа.

– Увы, не припомню, – владелец «Тихой пристани» развёл руками.

– Проклятье, – тихо, в пивную кружку, ругнулся Саян, пивные хлопья едва не заляпали глаза.

Как бы то ни было, Саян поднялся на ноги, пора спать. Ночь на дворе. Обеденный зал «Тихой пристани» опустел. Посетители разошлись по домам, либо по номерам. Вот уже утус Ибуж выпроваживает самого последнего моряка.

Глава 7. Благословленная Тассунара

– Зачем прибыла? Какая быть долга? – портовый чиновник в чёрной накидке с накрахмаленными плечами упрямо стоит на своём. – Какая корабля? Имя? Род?

Достал... Саян тихо выдохнул и незаметно разжал кулаки. Костяшки пальцев аж пылают от желания врезать чиновнику по холёной наглой роже, но нельзя. Да и чревато. За спиной низенького чиновника возвышаются два молодца в точно таких же накидках и широких шароварах с длинными разрезами по бокам. У всех троих на головах чудная причёска: широкий клин от лба до макушки начисто выбрит, короткая косичка на самом верху густо напомажена и загнута ровным кончиком вперёд.

Лучше не рыпаться и терпеливо отвечать на вопросы. У обоих молодцов за поясом торчат длинные мечи в чёрных ножнах. А у самого чиновника за поясом сразу два клинка, один длинный, второй заметно короче. Бронзовые заклёпки на чёрных рукоятках блестят от постоянного использования. Только дёрнись, тут же в капусту порубят. Тассунара это тебе не пугливый Рюкун и почти ассимилированный Ролозкий архипелаг.

– Имя – Саян, отчество – Яргич, фамилия – Ингал, – Саян в очередной раз представился по полной форме. – Марнея, подданный императора Марнеи.

– Какая имя? Род? Имя? – портовый чиновник злобно хмурится и, одновременно, сохраняет полное спокойствие.

С таким типом можно препираться до бесконечности, Саян с тоской глянул на аборигена. Бог знает почему портовый чиновник наотрез отказывается говорить на марнейском. А мог бы и должен выучить. Таможенник, называется.

Много сот лет тому назад Саян в совершенстве владел тассунарским, но с тех пор забыл его ещё больше, чем рюкунский. Нужные слова словно маленькие золотые рыбки из глубины пруда с трудом поднимаются к поверхности. По этой же причине кажется, будто тассунарец не говорит, а передразнивает, нарочно несёт окоlesiцу.

– Имя – Саян, – обречённо, словно на эшафоте, в очередной раз начал Саян.

В голове яркой искоркой щёлкнула мысль. Ну конечно! И как только умудрился забыть: у тассунарцев нет ни отчества, ни фамилии, только имя и родовое имя.

– Родовое имя – Ингал. Мой род Ингал! Понимаешь! – Саян с надеждой уставился на чиновника.

Сработало. Портовый чиновник с важным видом чиркнул пару строк в длинном бумажной свитке и вновь заговорил:

– Какая причина гость? Какая время?

Прогресс! От радости хочется крепко-накрепко пожать чиновнику руку. Только, Саян покосился на рукоятки мечей за его поясом, лучше не стоит. Но... Что же ответить? Фразу «Прибыл в Тассунару дабы оценить местный уровень развития на предмет буржуазных реформ» портовый чиновник если и поймёт, то вряд ли оценит. Надо проще, понятней.

– Работа, торговать, жить долго, долго, – затараторил Саян.

– Долго? – чиновник опять сдвинул брови.

– Долго, – Саян кивнул.

На этот раз чиновник заметно дольше елозил палочкой для письма по бумажному свитку.

– Порядок, закон, почитать. Голова прочь инако.

Наконец низенький чиновник отвалил и тут же вцепился в другую жертву. Моряк, который вслед за Саяном сошёл на берег, попытался было боком, боком проскользнуть мимо тассунарца, но не успел.

– Имя? Род? Имя? – вновь загремел чиновник.

Саян прибавил шагу. Лучше по-быстрому унести ноги. Вдруг опять докопается.

Даже с первого взгляда легко понять, что Давизун маленький портовый городишко. Внутренняя гавань крошечная совсем, ширина от силы два-три километра. Единственный деревянный причал на едва живых сваях настолько мал и узок, что пришвартоваться к нему могут максимум два торговых судна. Пока, к счастью, кроме старой добротной шнявы «Морской охотник», на которой Саян добрался до Тассунары, других торговцев не видно. Дальше по набережной тянутся низенькие причалы. Большие лодки с квадратными парусами густо облепили их, словно пчёлы длинные капли мёда. Местные грузчики, крепкие парни в коротких кожаных куртках и штанах, самоотверженно перетаскивают мешки из лодок в пакгаузы на берегу и обратно.

Как рассказывал утус Ковжан, капитан «Морского охотника», у Тассунары нет крупных морских судов. Однако, как ни странно, очень хорошо развито каботажное мореходство. Джонки, те самые местные лодки с прямоугольными парусами, перевозят из порта в порт огромное количество грузов. Тассунара горная страна, крупные города тяготеют к побережью, морские дороги наиболее короткие и безопасные.

За рядом деревянных складов, больших сараев с широкими воротами, раскинулся Давизун. В основном одноэтажные лёгкие здания с серыми черепичными крышами. Слева, на взгорке, небольшая каменная крепость. Грязно-серые стены сложены из слоёных камней и немного наклонены во внутрь. Низкие треугольные крыши словно нахлобучены на прямоугольные башни. Наверно именно там живёт местный правитель. Как его там, Саян напряг память, даймё, кажется.

Тассунарцы и в самом деле не жалуют иноземных торговцев. Саяну пришлось проторчать в Тургале, столице Рюкуна, целых четыре дня, прежде чем удалось наняться матросом на шняву «Морской охотник». И то, по словам капитана Ковжана, Саяну крупно повезло. В ожидании попутного судна он мог запросто застрять в Тургале на месяц другой.

И что теперь? Саян плотнее запахнул серый кафтан. Пусть на календаре середина июля, разгар лета, однако в южном полушарии разгар зимы. Давизун не Тургал, заметно ближе к холодному южному полюсу. Пусть на улицах не видно снега, лишь слегка жухлая трава, но довольно прохладно. Ветер с моря гонит сырость. Саян глянул на небо. Серые тучки плотным строем наступают на берег. Того и гляди зарядит мелкий противный дождик. Для полного счастья ещё только простыть не хватало.

Так куда же идти? Саян в нерешительности остановился перед деревянными воротами. За спиной остались причалы, пакгаузы и почти голые грузчики. Прямо вперёд уходит серая улица. За рядами заборов возвышаются треугольные крыши домов. Не исключено, что и тассунарцы во всю валяются под кайфом в курильнях опиума. Фатрийцы подобны тараканам – залезут в любую щель, ни одна таможня не устоит перед их жаждой прибыли.

Хотя... Саян медленно развернулся. Возле единственного причала для иноземцев портовый чиновник с парой молодцов сурового вида терзает очередную жертву. Даже если торговля опиумом в Тассунаре официально запрещена, здесь могут быть свои собственные прибабахи. Например развитой феодализм, которому гнить да гнить ещё пару сотен лет. Портовый чиновник с молодцами очень похожи на марнейских дворян. Самоизоляция не только спасает Тассунарскую империю от дурного влияния извне, но и способствует застою в развитии общества.

Была, не была! Саян широко шагнул навстречу судьбе, словно гору с места столкнул. Невидимая черта между портом и городом осталась позади. Как бы не

было тяжело и боязно, в первую очередь нужно обследовать город. А вынести окончательный вердикт никогда не поздно. Сможет ли Тассунара стать той самой точкой приложения сил, чтобы создать эффективный противовес менгам? Ответ придётся искать на серых улочках Давизуна, захудалого портового городка Тассунарской империи. Столица дала бы гораздо более внятный ответ. А что делать? Других вариантов нет.

И так, Саян оглянулся по сторонам, если верить капитану «Морского охотника», здесь должен быть квартал иноземцев. Хотя квартал слишком громко сказано. В Давизуне всего две торговые фактории Марнеи и Фатрии, обе рядом напротив друг друга через дорогу. Из-за высоких заборов выглядывают крыши домов. Наверно, центральные строения, а вокруг них склады, сараи и прочие вспомогательные постройки.

Из-за левого забора раздалось грозное рычание. В дырке широкой доски возле калитки показался влажный собачий нос. Самый преданный друг человека бдит. Прохожий, который торчит по среди улицы, ему не нравится.

Интересно, чьё именно имущество сторожит самый преданный друг человека? Марнейского купца Райдена, или фатрийского Олэна? Собака разразилась грозным лаем. Впрочем, какая разница, Саян поправил ляжку вещмешка на плече. Наведаться к утуса Райдену ещё будет время. А если не возьмёт, то можно будет наняться и к фатрийцу.

Собачий лай резко оборвался за спиной. Саян так и не стал стучаться ни в одну калитку из толстых серых досок. И так, вывод первый: в Давизуне нет ярко-выраженного квартала иноземных торговцев. Пара домов со всеми прилегающими постройкам ни как не тянут на столь гордый титул. Да и архитектурой они ничем не отличаются от жилищ тассунарцев. Ну, разве что, заборы выше и собаки злее.

Серая улица привела на торговую площадь. Саян не спеша двинулся вдоль торговых рядов. Центральному рынку Давизуна ох как далеко до Пасмы и Тургала – масштаб не тот. Если в столице Рюкуна торговцы хлебом занимают длинные ряды, а торговцы тканями и того больше, то в Давизуне круглыми хлебцами заставлены две, максимум три лавка. Тканями торгует целый ряд, только, Саян глянул вдаль по проходу, не такой он уж и длинный.

Зато, Саян вытянул голову, совсем не видно иноземцев. Никаких сюртуков, фигово и курток с короткими рукавами. Лишь изредка в базарной толчее мелькнёт серая рубашка матроса с закатанными рукавами.

Продавцы и покупатели носят исключительно местные наряды, так называемые кимоно, просторные одеяния с широкими рукавами. Никаких пуговиц, полы кимоно плотно запахнуты и стянуты матерчатым поясом. У горожан побогаче кимоно из шёлка с яркими выразительными рисунками или узорами. У женщин к тому же на поясницах большие красивые банты. Тассунарцы попроще обходятся однотонной одеждой из хлопка и конопли.

То и дело навстречу попадают крестьяне в коротких куртка, штанах до колен и в соломенных островерхих шляпах. Земледельцев легко узнать по натруженным рукам и кроткому взгляду.

Саян на всякий случай отступил в сторону. Мимо с важным видом прошёл местный дворянин. Самурай. Во! Вспомнил, как их называют. Как и на чиновнике из порта, на плечах самурая широкая накидка с накрахмаленными плечами. Широкие шаровары с разрезами по бокам издали можно легко принять за женскую юбку. И, конечно же, за поясом обязательные атрибуты самурайского сословия. Более длинный меч, кажется, называется катаной, а более короткий вакадзаси. Язык сломаешь.

Саян улыбнулся вслед важному самураю. Память возвращается. Тассунарские слова сами собой приходят на ум. Базарный гам уже не кажется смесью пустых звуков. Ухо всё чаще и чаще выхватывает знакомые слова. Вот,

например, торговец рыбой в синем кимоно и кожаном фартуке во всю расхваливает свежую морскую рыбу. Однако покупательница, зрелая женщина в жёлтом кимоно с ромбами и с чудной причёской из которой торчит длинная заколка, сомневается в свежести товара и тычет тоненьким пальчиком в запавшие рыбы глаза.

А чем же торгуют? Саян старательно обошёл множество торговых рядов, но так и не нашёл ни одной лавки с трубками, лампами и прочими приспособлениями для курения опиума. Аж на сердце отлегло!

Прилавков торговца скобяными товарами завален ножами с клеймами на фатрийском и марнейском языках. Но, Саян пощупал пару лезвий, тассунарских гораздо больше. Продавец верещит не переставая. То и дело мелькают слова «хорошо», «дорого», «редко».

Саян махнул рукой – не нужно. Продавец скобяных товаров тут же потерял к нему интерес. Похоже, заморские ножи продают как дорогую экзотику, которая гораздо дороже местных. В лавке рядом латунный подсвечник определённо фатрийского производства соседствует с серебряными лампами и фонариками – товар явно не для бедных крестьян.

Ещё одна проверка. Горький рюкунский опыт до сих пор давит на плечи неподъёмной ношей. Так, Саян пригляделся к прохожим, самурая лучше не трогать – юмора не поймёт. А вот и подходящая жертва. Саян ускорил шаг и, как бы невзначай, толкнул плечом мужчину в простеньком чистом кимоно зелёного цвета. Тассунарец тут же развернулся и недовольно заверещал:

– Глядеть. Путь. Глаза. Затылок.

– Э-э-э... извините, – Саян слегка поклонился, нужные слова с трудом пришли на ум. – Случай. Прощение. Глаза, видеть, лавка, товар.

Тассунарец тут же сменил гнев на милость и приветливо улыбнулся.

– Внимание. Завтра. Путь хорошо, – мужчина вежливо поклонился.

Великолепно! Саян на местный манер сложил руки у груди и ещё разок поклонился. Однако тассунарец уже развернулся и пошёл своей дорогой вдоль торговых рядов.

Местные совершенно не боятся иноземцев. Мужчина, не богатый, но и не бедный горожанин и в самом деле решил, будто матрос с иноземного корабля засмотрелся на разложенные на прилавках товары и случайно задел его плечом.

Одной проблемой меньше! Саян широко улыбнулся целому миру. На душе сразу же стало легко и приятно. Однако... Мимо прошествовал важный самурай. Следом слуга в простеньком кимоно тащит большой кулёк. Осталось выяснить, насколько глубоко Тассунара погрязла в феодализме. И без расспросов видно, что местное общество носит ярко выраженный сословный характер. Самураи и только они носят накидки с накрахмаленными плечами и чудные причёски из загнутых вперёд косичек, не говоря уже о паре мечей за поясом.

Как рассказывал утус Ковжан, капитан шнявы «Морской охотник», в Давизуне всего одной гильдии купцов разрешено торговать с иноземцами. Её так и называют «Иноземная гильдия». И никому более под страхом смерти.

Шататься по рынку без цели и дела надоело, Саян свернул на первую же попавшуюся улочку. Похоже, здесь живут ремесленники, мастера по дереву. Небольшие почти одинаковые одноэтажные домики. Соломенные крыши, стены из бамбука и глины под тонким слоем белой штукатурки. Тассунару часто трясут землетрясения. Если что, выскочить на улицу можно прямо через стену. После лёгкий каркасный домик легко и дёшево отстроить заново.

Под навесами прямо на земле работают легко одетые ремесленники. Саян на минутку притормозил возле ближайшего дома. Давно немолодой столяр в коротком зашитом кимоно умело орудует массивным рубанком. Длинная доска лежит прямо на земле, ремесленник, вытянув левую ногу, прижимает её ребром

стопы. Рядом, среди завитков свежей стружки, валяются пила и короткий нож со скошенным лезвием.

У другого навеса на противоположной стороне улицы каменотёс с железным долотом и молотком в руках сосредоточено вырезает из большого куска камня голову льва. Короткие точные удары, плоские колотые осколки только так отлетают от будущей скульптуры. Работа только, только началась. Не видно ни намёка на туловище и лапы, лишь из бесформенного куска камня торчит распахнутая пасть с острыми зубами.

Звон от монотонных ударов железа по камню отдаётся в ушах. Саян торопливо зашагал прочь. Главный вывод всё тот же – торжество феодализма. Господствует исключительно ручной труд. У каждого ремесленника в лучшем случае пара взрослых подмастерьев и несколько учеников, мальчиков от восьми до пятнадцати лет. Ни малейшего признака мануфактуры, как самого первого капиталистического производства.

Хотя... Саян остановился перед раздвинутыми в стороны ставнями. Внутри дома не мелкая лавка, а самый настоящий магазин. На прилавках в большом количестве разложены стопки почти белой бумаги, разнообразные камни для натирания туши, связки кисточек и сухая тушь, спрессованная для удобства в круглые короткие палочки. При виде покупателя продавец, мужчина лет сорока в добротном хлопковом кимоно, тут же отложил в сторону книгу.

– Купить? Хотеть?

Продавец льстиво улыбается, будто перед ним не простой матрос с иноземного судна, а местный даймё с грозными катаной и вакадзаси за поясом.

– Нет. Глядеть, – Саян демонстративно отвёл глаза.

За спиной продавца высокий книжный шкаф. Полки плотно заставлены книгами. Наружу торчат разноцветные корешки. Тассунарские надписи похожи на узоры. Слева, на стене, висит сразу восемь одинаковых картинок: на заднем плане гора, точнее, потухший вулкан с широкой горловиной; на переднем плане река, лодка с фигуркой гребца и заросли бамбука вдоль берега.

Хотя, Саян забегал глазами с картинки на картинку, возможно в Тассунаре всё же есть некое подобие мануфактур. Может они все находятся за пределами города. В своё время во Фатрии, Гилкании или Марнеи самые первые мануфактуры возникли за пределами городских стен. Сами города ещё долго оставались оплотами цехов, профессиональных объединений ремесленников, которые упорно держались за индивидуальный ручной труд.

– Так? Брать? – льстивая улыбка уже слезла с лица продавца.

– Нет, – отрезал Саян.

Вот так незаметно, с интересом разглядывая непривычные дома, лавки и людей на улицах, Саян добрался до городских ворот. В разгар рабочего дня створки распахнуты настежь. По пыльному проходу в обе стороны струится поток людей. В стороне под небольшим навесом с соломенной крышей скучает самурай. Страж ворот с равнодушным и отрешённым видом взирает на поток простолюдинов. Ни что, даже молодые симпатичные женщины, не возбуждает его интерес.

В голову стрельнула шальная мысль: выпустит или нет? Саян осторожно, словно по шаткому мостику через пропасть, шагнул в направлении ворот. Глубоко в душе любопытство и настороженность скрутились в тугий узел. Самурай всё так же внимательно смотрит и не видит поток людей мимо себя. Ещё шагок. Ещё полшага. Выпустит или нет? До ворот осталось метров пять. Грозная катана за поясом стража ворот лениво покачивается из стороны в сторону. Говорят, тассунарские мечи настолько острые, что одним взмахом разрубают людей на две аккуратные половинки. Ещё шагок...

– Стоять!

Грозный окрик пригвоздил к месту. Людской поток тут же послушно замер. Самурай под навесом самым решительным образом преобразился. Брови грозно сдвинуты, губы плотно сжаты. От былой скуки и отрешённости не осталось и следа.

– Иноземец! Ходить, нет. Смерть, быть.

Самурай выразительно ухватился за рукоять катаны. Зато поток людей через ворота тут же возобновился с удвоенной скоростью. Крестьяне с большими коробами с любопытством пялятся то на Саяна, то на грозного самурая, однако чуть ли не бегом пролетают мимо.

Проклятье. Страж ворот не дремлет. Саян задёргался на месте. К горлу холодным кольцом подступил страх. То, что ещё минуту назад казалось гениальной идеей, на проверку вышло полной ерундой. Ну не драться же с местным дворянином на мечях. Придётся прикинуться чайником.

– Туда, хочу, – Саян ткнул пальцем в сторону распахнутых ворот.

– Нельзя! – гаркнул самурай, несколько простолюдинов испуганно шарахнулись в стороны.

– Почему?

Саян, словно артист погорелого театра, постарался изобразить на лице самое глупое удивление, на которое только способен. Прокатит или нет? Вместо ответа самурай ткнул пальцем в сторону большой доски с глубокими трещинами. На серой поверхности красными буквами на фатрийском, марнейском и даже гилканском языках неумелой рукой выведено: «Иноземца нельзя ухадит за предэлы города стен. Нарушине курается отсечением головы».

Тот, кто выводил красной краской предупреждение, не в ладах с орфографией и грамматикой. Однако «отсечением головы» на всех трёх языках написано правильно.

– Прощать, не знать, прощать, прощать, – Саян, льстиво улыбаясь, вежливо поклонился.

– Прочь! – самурай сменил гнев на высокомерие, зато, слава богу, отпустил рукоятку катаны.

– Ходить, ходить, – Саян, пятясь задом, отошёл от грозного стража ворот.

Да-а-а... Иноземцам и в самом деле категорически запрещено покидать пределы Давизуна. С другой стороны, очень хорошо! Старая доска с предупреждением на трёх языках как ни что иное доказывает, что в Тассунаре нет и быть не может засилья иноземцев. Но!

Саян остановился на углу ближайшего дома и вновь глянул на ворота из города. Самурай вновь с отрешённым видом стоит под навесом и не глядя смотрит на поток людей. Ещё один очень показательный момент: во время разговора самурай не стал кривить рот, а после шептать вслед проклятия. Для него нет особой разницы, что наорать на забитого крестьянина, что на иноземного моряка. В его глазах не было и тени сомнения, когда он ухватился за рукоять катаны. Сделай Саян ещё пару шагов в направлении ворот, то страж ворот прямо на месте исполнил бы грозное предупреждение. И ничего бы ему за это не было бы.

Великолепно! Только, чёрт побери, как же быть с развитым феодализмом? Хорошее настроение вновь улетучилось. Тассунара не валяется под иноземцами в наркотическом опьянении, однако сколько же потребуется времени, чтобы столкнуть её с места. Да ещё самоизоляция, будь она неладна. Как рассказывал утус Ковжан, капитан шнявы «Морской охотник», тассунарцы совершенно искренне считают самоизоляцию благом. Любые капиталистические реформы, даже самые мягкие и половинчатые, в первую очередь потребуют раскрыть дверь во внешний мир. Причём не просто чуть приоткрыть, а распахнуть самым широким и гостеприимным образом. Иначе Тассунара так и не сможет перенять самое продвинутое и передовое, что только есть на той стороне моря Окмара.

Да... Задача. Саян побрёл прочь от ворот. Интерес к местной экзотике совсем угас, будто не сошёл сегодня утром с корабля, а прожил в этом самом Давизуне лет сто. Уныние и неопределённость скапливаются в голове удушливым дымом и пульсируют в висках горячей желчью. Может, пока не поздно, повернуть обратно в Марнею? Там уж точно никто не отрубит голову за попытку выйти за пределы города.

Улицы, улицы, маленькие площади, перекрёстки и снова улицы, улицы. Саян, словно душа неприкаянная, за пару часов исходил Давизун вдоль и поперёк. Надо бы пообедать, а то последний перекус был ещё на борту «Морского охотника». Однако желудок, будто понимая сумрачное состояние души, сидит тихо и не бурчит.

Господи, сколько же лет прошло? Пятьсот? Шестьсот? Или ещё больше с момента окончания последней жизни в Тассунаре. Саян уставился на высокую пожарную вышку на перекрёстке двух улиц. На верхней площадке разгуливает пожарный в штанах и в куртке с капюшоном. Саян побрёл дальше. Тогда ему удалось сделать самую настоящую карьеру и подняться до великого советника при дворе Гобана Нидана, императора из предыдущей династии. Господи, тогда даже династия была другой.

О-о-о! В то славное время о Саяне Юрнире по всей Тассунаре каждая собака знала. У одних он вызывал восхищение, другие люто его ненавидели. К счастью, с тех пор прошла уйма времени. Если кто и помнит некогда всесильного Саяна Юрнира, то только учёные историки, да и то через одного. В анналах обычно сохраняются имена императоров. Великих советников, вторых после правителей империи, обычно забывают через поколение другое. Впрочем, оно и к лучшему.

Может, хватит блуждать без цели и смысла? Саян замер на очередной улочке с уютными домами и магазинами на первых этажах. Рядом, кажется за тем углом, на разные голоса гудит рынок. Может, и в самом деле пора вернуться в порт и наняться обратно на «Морского охотника»? Капитан Ковжан, конечно, сперва удивится, а потом обрадуется. А что дальше?

Глаза сфокусировались на прилавке. А это уже интересно! И как только раньше не обратил внимания? В магазине продают холодное оружие, причём отличного качества. Некоторые образцы самые настоящие произведения искусства, хоть сейчас в музей под стекло. Кинжалы с чёрными рукоятками, мечи со скошенными кончиками, полукруглые топоры, ножи, даже сюрикэны, метательные звёзды с пятью остро заточенными лучиками. К низкой подставке из лакированных дощечек прислонены разнообразные дубинки, начиная с простых с гладкими боками до круглых шипов по всей ударной поверхности. На стене рядом с луками, арбалетами и колчанами висит уж совсем странная штука в виде палки с двумя металлическими скобками и длиной цепью с грузиком на конце. Рукоятки и лезвия покрыты узорами и миниатюрами из золота и серебра. Цветными бусинками выделяются драгоценные и полудрагоценные камни. Ну точно музей холодного оружия.

Да-а-а... Тассунарцы знают толк в оружии. В вещмешке за спиной лежит «Последний аргумент», набор боевых ножей и сюрикэнам. Но ему далеко по качеству до разложенного в этом магазине великолепия. Не говоря уже о красоте и цене.

Но! Вот что интересно, Саян заново окинул взглядом разложенный и развешенный товар. При всём богатстве выбора огнестрельное оружие отсутствует начисто. Ни одного ружья, фитильного мушкета или хотя бы дамского пистолетика, которым только мышей пугать. С чего бы это? Странно? Тассунара ещё не доросла до декоративных подделок. Это в Фатрии можно запросто купить «боевую алебарду» или «эспадон», тяжёлый двуручный меч, которыми невозможно даже чурку расколоть.

В глубине магазина на квадратных циновках подогнув под себя ноги сидят упитанный купец лет сорока – пятидесяти в добротном кимоно и напротив него молодой самурай лет двадцати пяти. Грозная катана покоится рядом по левую руку.

Купец и самурай напряжённо разговаривают. Или ругаются? Саян наострил уши. Тассунарский язык отличается необычайной вежливостью. Местные жители могут разругаться вдрызг, чуть ли не до драки и ножа под рёбра. Однако мамам не придётся затыкать детям уши, если такие окажутся поблизости. Самурай что-то упорно лопочет, а купец кивает головой, лишь изредка отвечая короткими фразами. Однако, Саян невольно подался вперёд, что-то в их разговоре не так.

Будто обычный покупатель Саян поднял за рукоятку стальной кинжал. Отличное лезвие, необычайно острое. На самом деле уши напряжённо ловят каждое слово купца и самурая.

– Жду, приходите, рад буду, жена, дочь, рад, – твердит самурай.

– Дела, много, много, рад, мочь, раз, полдень, – скороговоркой отвечает купец.

– Уважаемый, отец, дочь, радость, будет, – упорно настаивает самурай.

Так это же...

– Ай! – Саян одёрнул руку.

Острое лезвие кинжала проскочило по ногтю и едва не оттяпало кончик указательного пальца. Саян торопливо положил кинжал обратно на прилавок. Самурай и купец не обратили на него ни малейшего внимания.

Получается, Саян сунул палец в рот, молодой самурай пришёл навестить не данника, не подчинённого, а, прости господи, тестя. Да, да! Именно тестя! Местный дворянин упорно зазывает родственника в гости. Однако купец жалуется на обилие дел и не менее упорно не может посетить дом зятя и навестить родную дочь. Да и держится торговец перед самураем с парой мечей совсем не так, как полагается держаться простолюдину. Купец ещё только пальцем не тычет молодому воину в грудь.

Саян поспешил прочь. Ещё только не хватало застыть перед парочкой родственников с раскрытым ртом. Если бы вместо разговора упитанный купец начал бы глотать шпаги, а самурай показывать карточные фокусы, это было бы весьма удивительно и забавно, но не настолько же.

В сословном обществе Тассунары купцы и менялы находятся на самой низкой социальной ступеньке. Считается, что они паразиты, которые только наживаются на чужом труде, ибо сами ничего не производят, а являются всего лишь посредниками в распределении результатов чужого труда. Ниже купцов и менял только осквернённые, которые официально вообще не входят в государственную иерархию. Естественно, самураи занимают самую верхнюю ступень социальной лестницы.

Только одно могло заставить самурая забыть сословную спесь и жениться на дочери купца – деньги. Да. Да. Саян невольно прибавил шаг, душа вновь наполнилась радостью. И как только сразу не обратил внимания? На главном рынке Давизуна нет и в помине натурального обмена. Никакого бартера, покупателя и продавца не меняют шило на мыло. В широком ходу деньги, маленькие кружочки из меди, серебра и золота. Саян улыбнулся. Собственными глазами видел, как один крестьянин протянул бакалейщику целый короб сушёного гороха, а взамен получил несколько медных монет. Другой крестьянин наоборот купил у купца железную лопату и расплатился медными же монетами.

Деньги уверенно прогрызают себе дорогу. А это есть ни что иное, как развитие буржуазных отношений. В недрах тассунарского общества зреет, зреет, зреет капитализм. Голову на отсечение – Тассунара на пороге великих

преобразований. Всё, что требуется – немного подтолкнуть её в нужном направлении. А дальше сама пойдёт. О-го-го как пойдёт! Поскачет, помчится!

Только, Саян перешёл на шаг, действовать надо быстро. Так называемый цивилизованный мир с помощью новейших пушек и ружей вполне может мягко и ненавязчиво убедить императора Тассунары отказаться от благословленной самоизоляции.

Утус Ковжан, капитан шнявы «Морской охотник», что-то там говорил о большой нелюбви самураев к огнестрельному оружию. Вот оно! По этой причине в магазине богатого купца-оружейника не нашлось места даже для самого маленького пистолетика, дамского пугача для мышей.

Но время ещё есть! Узкие улочки и дома вновь заиграли яркими красками. Улыбка радости и счастья растягивает губы от уха до уха. За спиной словно выросли крылья. Взлететь бы! Воспарить бы над Давизуном як птица! Саян на ходу аж подпрыгнул от восторга.

А вот и морской порт. Возле причалов россыпь джонок. Грузчики-муравьи в серых кожаных куртках курсируют с берега на джонки и обратно. Саян остановился возле кромки воды. Волны с тихим плеском накатываются на жёлтый песок и неторопливо откатываются обратно в море. Над головой с резкими криками пролетели чайки.

Тассунара отлично подходит в качестве форпоста против менгов на материке Чалос. В недрах тассунарского общества зреет, зреет капитализм. Пусть кимоно купца-оружейника выглядит относительно скромно, зато у него за спиной большой дом-магазин и куча дорогого товара. Чтобы там не говорили о скромности и воздержании, однако людская натура непоколебима. Любой, у кого в заглазнике хотя бы с десяток золотых монет, тем или иным образом хочет и показывает соседям и окружающим свой достаток.

Решено! Носком башмака Саян зачерпнул пригоршню песка. Он останется здесь, очередная жизнь, очередная великая цель, будет посвящена Тассунаре. А там, дальше, Саян глянул в морскую даль, Тассунара обязательно станет великим, могучим государством. Сначала она перешагнёт через море Окмара и выйдет на восточный берег материка Чалос. Именно Тассунара приберёт к рукам Рюкун, Гунсар, Анкис и прочие государства людей в этой части света и выведет их из под кайфа. Именно Тассунара железной рукой наведёт порядок, покончит с позорной торговлей опиумом и выдаст фатрийцам, стирийцам и гилканцам кровавый апперкот под нижнюю челюсть. Но даже это будет всего лишь первый шаг.

Тассунара вберёт в себя и растворит в себе все прочие государства людей на материке Чалос. Тассунара станет настолько могучей, что бросит вызов всем без исключения государствам менгов. Наступит момент, когда тассунарские солдаты возьмут штурмом Кастуну, столицу Дорманы, самого развитого государства менгов на западном, дальнем, противоположном берегу материка Чалос.

Перед глазами поплыли видения. Вот солдат в тёмно-зелёной форме зачерпывает алюминиевым котелком воду. Подносит её ко рту, делает глоток и тут же радостно выплёвывает. Ещё бы! Вода морская. Зато зачерпнул он её на западном берегу материка Чалос. Или лучше сапоги обмыть?

Над головой пронзительно и протяжно закричали чайки. Саян дёрнулся всем телом. Пелена сладостных грёз спала с глаз, словно очнулся от приятного сна. Ну а пока за спиной отсталая феодальная Тассунара, которую ещё нужно преобразовывать и преобразовывать. Вода камень точит, алмаз шлифует. Теперь, когда найден смысл очередной жизни, начинается накатанная за тысячелетия схема. Шаг первый – натурализоваться и легализоваться.

Кратчайшим путём Саян направился в порт. Башмаки утопают в мягком песке. Следы тут же смывают ленивые волны моря Окмары. Как рассказывал утус

Ковжан, капитан «Морского охотника», марнейской факторией владеет некий Ридоу Роинич Райден. Он закупает товары у местных купцов и, через доверенных лиц, отправляет их на север материка Науран.

Так какая же из них марнейская? Саян в нерешительности замер по середине улицы между двумя торговыми факториями. Ни таблички, ни рисунка, ни надписи, ни малейшего опознавательного знака. Лишь калитки и голые заборы. Та? Или эта? Чёрт, даже в голову не пришло уточнить.

Из дырки в заборе слева высунулся собачий нос. Мохнатый сторож грозно зарычал и тут же оглушительно залаял. «Швейцар» «доложил» о прибытии, Саян улыбнулся, пусть так и будет. Даже если это фатрийская фактория никто по шее не даст.

Барабанить в запертую калитку и орать во всё горло не пришлось. Громкоголосая собака старательно «доложила о прибытии». Едва Саян занёс руку для первого стука, как калитка распахнулась сама.

Невысокий тощий тассунарец в простеньком кимоно вопросительно вылупил глаза.

– Райден. Утус Ридоу Райден здесь живет? – произнёс Саян.

– Райдена, Райдена, – тассунарец широко улыбнулся и мелко, мелко затряс головой.

Угадал – одной проблемой меньше. Тассунарец шагнул назад, но тут из-под его ног высунулась собачья морда. Мохнатый сторож залаял ещё громче.

– Отстать, прочь, иди! – тассунарец ухватился обоими руками за ошейник и с трудом оттащил сторожевую собаку в сторону.

Центральный самый большой дом марнейской фактории производит странное впечатление. Его, несомненно, построили местные ремесленники на тассунарский манер. Та же каркасная конструкция, раздвижные стены и загнутые углы треугольной крыши. Только... Саян прикрыл рот ладошкой, неуместный хохот рвётся наружу. Только тот, кто руководил тассунарскими ремесленниками, явно хотел построить типичную марнейскую избу. Из-под нижнего ската брёвен выглядывает кирпичный фундамент. Высокое крыльцо с перилами. Целых четыре трубы выглядывают из-за конька крыши. Если и внутри самые настоящие марнейские печи из красного кирпича с полукруглым зевом и лежанками. Саян вновь прикрыл рот ладошкой.

Тассунарец провёл вокруг дома на задний двор. Возле распахнутых ворот деревянного сарая он остановился и громко позвал:

– Витус! Вам гост! Гост! Марнея гост!

Из полутьмы сарая показался купец Райден. Владелец торговой фактории одет как марнейский крестьянин: холщовая рубаха с закатанными рукавами и тёмно-синие штаны. Вместо ремня обычная верёвочка. Да и телом купец Райден под стать – высокий, широкий в плечах, тёмные как смоль волосы зачёсаны назад. Ему бы ещё окладистую бороду, хромовые сапоги и шапку ушанку – ну вылитый зажиточный крестьянин. Только щёки и подбородок купца тщательно выбриты, на ногах сандалии на толстой подошве, а на голове широкая соломенная шляпа. В Давизуне, даже в разгар зимы, достаточно тепло, чтобы сопредить в марнейских сапогах и шапке-ушанке.

– Ну! Где тебя черти носили, Саян из рода Ингал? – недовольно прогудел утус Райден.

Слова приветствия застряли в горле.

– Кхм-м-м, – прокашлялся Саян. – Простите?

– С самого утра Чои Андал, чиновник портовый, прибежал с уточнениями, – утус Райден усмехнулся. – Бегал тут, руками махал, бумажкой тыкал. Орал всё: почему заранее не предупредил, почему на учёт не поставил, голову отрублю, оштрафую. А я ни сном, ни духом.

Понятно, Саян расслабленно усмехнулся. Теперь ясно, откуда у купца такая осведомлённость.

– Что? И в самом деле работа нужна? – утус Райден грозно сдвинул брови, ну совсем как самурай у городских ворот.

– Да, это действительно так.

– А что ты умеешь? – утус Райден придирчиво, словно жеребца на базаре, оглядел с ног до головы. – Сразу говорю: грузчик мне не нужен. Ты не смотри, что местные, – купец ткнул пальцем в слугу-тассунарца, – тощие. Они двужильные.

– Что вы, уважаемый, – притворно воскликнул Саян. – Я обучен грамоте. Могу работать не только руками, а ещё секретарём, делопроизводителем, счетоводом, переводчиком. В совершенстве владею фатрийским и гилканским.

– Ну, – утус Райден небрежно махнул рукой, – это ни к чему.

– Великий Создатель одарил меня способностью к иноземным языкам, – продолжил Саян. – Уверяю вас: не пройдёт и года, как я в совершенстве выучу тассунарский. Причём не только устную речь, а так же чтение и письмо.

Утус Райден хитро прищурился. Судя по ломаному марнейскому слуги, купец так и не удосужился выучить тассунарский.

– Я не просто шатался по городу и любовался местными красавицами. Заодно успел выучить несколько местных слов. Вот это, – Саян показал на тассунарца, – называется кимоно. На ногах у него гэта. А это не носки, а так называемы таби. Тот чиновник с двумя мечами – самурай. Я даже могу сказать, как называются его мечи – катана и вакадзаси. Вот.

– О-о-о, – брови утуса Райдена вытянулись от удивления. – Молодец! Теперь верю. Толмач мне действительно нужен. А то местные купцы хитрые. Каждый улыбается в тридцать два зуба, а что у него там на уме, о чём он там между собой талдычат – бог его знает.

Ну точно! Утус Райден относится к тому типу людей, которые не только не умеют и не хотят учить чужие языки, а ещё упорно отказываются принимать чужую культуру. Уж не под чутким ли руководством утуса Райдена был построен этот замечательный дом? Быстрее всего так оно и было.

Как правило, купцы старательно изучают чужие языки, особенно если живут в чужой стране годами. Утус Райден сопротивляется местному влиянию как только может. Судя поговору слуги, сопротивляется купец весьма успешно. Тассунарский он так и не выучил.

– Ладно, беру тебя на работу. Будешь у меня бухгалтерию вести. Мне действительно марнеец-переводчик нужен. Так что учи тассунарский, а то местным хитрым рожам верить ни на грамм нельзя. О зарплате твоём чуть позже поговорим, пока с тебя хватит двух виртов в месяц и мой стол.

Эй! Ты! – утус Райден повернулся к слуге. – Комната, угол, веди, показать.

– Угол, угол, показать – на дурном марнейском отозвался слуга.

Утус Райден вновь скрылся в полумраке сарая.

– Уважаемый, – слуга и в самом деле улыбается во все тридцать два зуба. – Моя, моя иди. Угол, комната, показать.

– Благодарю вас.

Способностью к языкам действительно одарил сам Великий Создатель. Причём способность двойная. Саян действительно может в короткий срок выучить любой иноземный язык. Так много тысячелетий назад ему хватило нескольких месяцев чтобы с нуля, под руководством простого крестьянина, выучить благородный иссари, язык менгов.

За очень, очень долгую жизнь на Миреме Саян выучил все без исключения языки людей и менгов. С годами не востребуемые навыки забываются, в том

числе иностранные языки. Если возникает необходимость, то, по сути, нужный язык приходится не сколько учить, а вспоминать.

Почти шесть столетий тому назад Саян уже жил в Тассунаре и добился должности великого советника, очень высокого поста при императоре Гобане Нидане. Так что года с лихвой хватит, чтобы вспомнить и подучить тассунарский. Причём не грубый говор крестьян, ремесленников и прочих простолюдинов, а замысловатую утончённую словесную вязь хорошо образованных аристократов.

Слуга привёл Саяна в угловую комнату в центральном доме. Узкое, меньше двух метров, помещение, зато длинное, больше четырёх. В углу широкая кровать без белья, одеяла и матраса. Лишь тонкий слой пыли на голых досках. Письменный стол и пара стульев тоже покрыты пылью. Квадратное окошко выходит на север.

Старый стул натужно скрипнул, когда Саян осторожно присел на него. Да-а-а... Похоже, комната пустует давно. Впрочем, от марнейской мебели всё равно нужно будет избавиться как можно быстрее. Для полной натурализации нужно жить как тассунарец, одеваться как тассунарец, есть и спать как тассунарец и сидеть как тассунарец. Последнее особенно важно: именно по неумению сидеть на полу подогнув ноги тассунарцы в первую очередь распознают иноземцев. А это значит циновки вместо стульев, матрас-футон вместо кровати, низенький столик вместо письменного стола, палочки вместо ложки и гусяного пера, кимоно с матерчатым поясом без пуговиц вместо рубахи и штанов.

Заодно нужно будет придумать, как именно помочь Тассунаре. Вариантов и возможностей много. Саян выглянул в окно. На дворе утус Райден во всю распекает местного слугу. Тассунарец стоит смиренно с опущенной головой, марнейская брань обильно льётся ему на лысину. Вряд ли он понимает с какими представителями животного мира его сравнивает утус Райден, но по интонации и красному лицу купца это точно ни лев, ни орёл, ни снежный барс или благородный олень.

Марнейская торговая фактория и купец Райден не более, чем промежуточный этап. Чтобы помочь Тассунаре, нужно стать тассунарцем. Гражданство как никогда особенно актуально. В личине иноземца ничегошеньки не добиться. Зато потом можно будет сделать карьеру хоть военного, хоть чиновника. Хотя, Саян провёл пальцем по пыльному столу, на столешнице осталась длинная полоса, в самураи лучше не записываться. Тогда выбор невелик: либо торговля, либо деньги в рост. Что, впрочем, в условиях Тассунары это одно и то же.

Часть 2. Переводчик купца

Глава 1. Большая честь

Новенькое с иголочки кимоно сидит на плечах как влитое. Саян в очередной раз повернулся к большому зеркалу левым боком. Только сегодня утром портной принёс. Хлопковая светло-синяя ткань с более тёмной каймой по краям широких рукавов и подолу. Ещё пояс завязать.

– Какая честь, витус, какая честь, – Гиор, слуга и помощник из деревни Уранд, что недалеко от Давизуна, поправил на поясице хлопковый пояс. – В таком чудном кимоно они точно примут вас за одного из своих.

– Очень надеюсь на это, очень, – Саян повернулся к зеркалу правым боком.

Хлопковая ткань практичная и добротная заметно дешевле шёлка. В таком одеянии, Саян вновь крутанулся перед зеркалом, он как никогда похож на тассунарского купца, в меру состоятельного, чтобы позволить себе шить одежду на заказ, и, одновременно, бережливого, как полагается хорошему купцу.

– Какая честь, – в очередной раз восторженно прошептал Гиор.

– Таби подай, – Саян повернулся к слуге.

– Да, витус, – Гиор быстро поклонился.

В доме купца Райдена, владельца марнейской торговой фактории в Давизуне, у Саяна своя комната. По тассунарским меркам большая честь. Только в очень богатых домах у слуг есть свои углы. Саян, пусть и марнеец, тоже слуга и помощник утуса Райдена. Тому же Гиору приходится спать где попало, чаще всего на узком матрасе-футон в коридоре возле двери в комнату Саяна.

– Таби, витус, – Гиор протянул тассунарские носки с мягкой подошвой, прошитые между большими пальцем и остальными, чтобы было удобней одевать сандалии.

– Благодарю, – Саян натянул таби на левую ногу.

Иноземцы принимают таби за местную обувь, но на деле это не так. В первую очередь таби тёплые носки, пусть даже с завязками на щиколотках.

– Э-э-эх, – Саян со скрипом затянул новенькие кожаные шнурки.

Туговато немного, придётся потерпеть. Не дай бог развяжутся в самый неподходящий момент. Саян притопнул правой ногой, хорошо сидят.

– Витус, какая честь, – Гиор закачал головой.

Восторг едва не сыплется у Гиора из Уранд из ушей.

За два с половиной года жизни в Давизуне Саян весьма успешно натурализовался. Буквально переродился из марнейца в тассунарца.

Через неделю после начала работы у купца Райдена Саян выбросил из своей комнаты марнейские кровать, стол и стулья. Вместо них приобрёл матрас-футон, три циновки и небольшой столик для письма. Тогда же Саян купил на рынке своё первое настоящее кимоно из хлопка, правда, с чужого плеча. Сложней всего было научиться сидеть на полу, подогнув под себя ноги. Пришлось потратить массу усилий и нервов, на подъёмах обеих стоп выступили кровавые мозоли. Однако именно так тассунарцы в первую очередь распознают иноземцев.

Утус Райден только повертел указательным пальцем у виска, когда в первый же день Саян предпочёл питаться вместе с местными работниками. Как выразился купец, отказался от «доброй старой говядины и ложки» в пользу «маринованных редисок и палочек». Под вежливые советы и улыбки тассунарцев Саян быстро освоил палочки для еды, научился есть ими варёный липкий рис и выучил местный язык. Гиор из Уранд стал первым учителем тассунарского языка.

Только, к сожалению, единственно, чему мог научить простолюдин, который с раннего детства пропалывал рисовые поля и возил фекалии из Давизуна, так это низкому раномату, языку необразованных простолюдинов. Через полгода, когда удалось поднакопить достаточно денег, Саян поступил в школу хороших манер витуса Танжея, что находится в большом доме с просторными залами в Крайнем переулке.

Целый год на оплату уроков Саян спускал практически весь свой заработок, но оно того стоило. Под мудрым и терпеливым руководством витуса Танжея Саян овладел в совершенстве благородным раномату, изысканной словесной вязью образованных самураев и придворных. Заодно научился писать, читать, выучил хорошие манеры и этикет. Неудивительно, что владея благородным раномату, Саян легко нашёл общий язык с купцами из «Иноземной гильдии», единственного объединения купцов из десяти человек во всей Тассунаре, которой власти доверили столь щекотливое дело, как торговля с иноземцами.

Только, к сожалению, пришлось убрать подальше «Последний аргумент», набор фехтовальных и метательных ножей вместе с сюрикэнами. Если как иноземец он имеет право носить их чуть ли не в открытую, то как почти тассунарца – нет. По местным законам простолюдинам категорически запрещено не то что носить, даже хранить дома боевое оружие. Конечно, запрет не распространяется на кухонные ножи и топоры для колки дров. Только вряд ли

местный судья поверит, будто сюрикэном очень удобно чистить рыбу, а парой фехтовальных кинжалов отгонять комаров.

Сегодня состоится венец двухлетних усилий, своеобразный экзамен – Саян получил приглашение, красивую открытку с изображением бамбуковой рощи на берегу ручья, в «Золотой чертог», в самый дорогой и престижный ресторан Давизуна. Тассунарские купцы горят желанием познакомиться с любознательным иноземцем, который не только говорит на благородном раномату и носит кимоно, а ещё умеет сидеть на полу как самый настоящий тассунарец. Последнее, как не сложно догадаться, интересуется уважаемых купцов больше всего.

Саян вздрогнул от собственных мыслей. Если он сегодня не облажается, то перед ним раскроются новые возможности и весьма заветные перспективы. Ох! Не сглазить бы.

Открытка с бамбуковой рощей возле ручья сама по себе из ряда вон. Тассунарские купцы предпочитают вести переговоры с иноземцами либо у себя в конторах, либо прямо на рынке. В «Золотой чертог», своеобразный штаб «Иноземной гильдии», иностранных подданных никогда и ни разу не приглашали.

Саян самодовольно улыбнулся собственному отражению в зеркале. Он будет первым и не только потому, что в совершенстве овладел благородным раномату. Утус Олмэн, владелец фатрийской фактории в Давизуне, намного раньше выучил тассунарский и очень даже неплохо. Нет, Саян единственный, кто перенял образ жизни тассунарцев. Местные купцы по мимо собственной воли всё чаще и чаще принимают Саяна за своего.

Ну всё! Хватит глазеть на себя любимого, пора идти. Саян отвернулся от зеркала. Новенькие таби немного скользят по натёртому полу. На улице, перед самым спуском с крыльца, Саян легко поддел соломенные сандалии – ещё одна вещь, которую напрочь отказался принимать утус Райден. Верёвочные петельки вошли в точно прошитые зазоры между большими и остальными пальцами стоп. А зря, между прочим, отказался: носки таби и соломенные сандалии очень подходят к климату Тассунары. Зимой в таби тепло, а летом их можно легко снять или поменять на более тонкие и прохладные. Соломенные сандалии приятно пружинят под ногами. Одно плохо – снашиваются быстро. Правда, и стоят дёшево.

Ресторан «Золотой чертог» находится совсем недалеко через квартал и улицу. Возле калитки Тузик, большой лохматый пёс, который самоотверженно облаял Саяна в первый день знакомства, радостно завилял хвостом и лизнул руку.

– Хороший пёс, хороший, – Саян на ходу потрепал Тузика за загривок.

Конечно, Саян вышел на Иноземную улицу и аккуратно задвинул за собой калитку, можно было бы нанять четырёх мускулистых парней с крепкими спинами и паланкином, чтобы с шиком прибыть ко входу в ресторан. Только среди тассунарских купцов ценится бережливость. Ибо мотовство является преступлением как перед предками, которые оставили тебе капитал, так и перед потомками, которых ты лишаешь капитала. Саяну по статусу не положено владеть собственными носилками. Хотя, если разобраться, корни рачительности тассунарских купцов в другом: выпячивать собственное богатство на показ то же самое, что дразнить голодную собаку сахарной косточкой. Самураи, правящее сословие Тассунары, с каждым годом нищают всё больше и больше. А вот катаны и вакадзаси за поясом у них по-прежнему очень острые.

«Золотой чертог» находится на пересечении Анютинской улицы и Куриного прогона. Ресторан очень похож на дом богатого самурая: двухэтажное квадратное здание с белыми стенами и узкими окнами. Над дверью широкая вывеска. Первый этаж занимает просторный зал для публики попроще. На втором, на широких антресолях, отдельные комнаты для самых почётных гостей.

Говорят, Саян улыбнулся, в «Золотом чертоге» установили самый настоящей клозет, модную новинку времени. Теперь дорогим гостям не приходится покидать уютные залы и выходить на улицу в дождь и снег ради «удобств во дворе».

Возле входа в ресторан слуга в безукоризненном белом кимоно подобострастно поклонился. Саян, проходя мимо, кивнул в ответ. Вот и подвернулся повод узнать, насколько же на самом деле удобен тёплый клозет.

Обслуживание в ресторане на высшем уровне. Стройные официантки скользят между столиками тихо и незаметно, словно приведения тёмной ночью среди могил. Фарфоровые чашки всегда чистые до скрипа. Над каждым столиком висит большая бумажная люстра с двумя – четырьмя масляными светильниками. Но и цены в ресторане под стать обслуживанию. Чашка риса в «Золотом чертоге» стоит в два-три раза выше, чем в обычной харчевне или чайной. Наверно по этой причине купцы «Иноземной гильдии» забыли о бережливости и регулярно встречаются в ресторане. Для многих самураев «Золотой чертог» не по карману. Всё меньше шансов нарваться на нищего, но гордого и заносчивого завистника с парой мечей.

Как и во всех тассунарских домах небольшой проход во внутрь ресторана с земляным полом считается продолжением улицы. Саян, держа спину прямо, легко скинул соломенные сандалии и вступил на деревянный настил в одних таби.

– Утус, – миловидная служанка в чёрном кимоно с большими красными цветами вежливо поклонилась, – вы тот самый иноземец?

– Да, уважаемая, – Саян вежливо поклонился в ответ.

Глаза миловидной служанки расширились от удивления. На щеках сквозь белила проступил румянец.

– Прошу вас следовать за мной, – служанка быстро справилась с изумлением и вновь вежливо поклонилась.

Ещё одно отличие Тассунары от Марнеи: здесь нет обеда. Точнее, горожане кушают дважды в день, утром и вечером. Лишь крестьяне, которым приходится очень много физически работать на свежем воздухе, обедают днём в самый солнцепёк, когда полоть грядки или чинить дамбы на рисовых полях всё равно невозможно.

Чёрная лестница на второй этаж хорошо освещена бумажными люстрами. Сквозь тонкую бумагу огоньки масляных ламп похожи на маленькие пульсирующие сгустки. Саян ухватился левой рукой за перила, новенькие таби слегка скользят по ступенькам. Ещё только шлёпнуться не хватало! Сердце и так бешено колотится от волнения. Сейчас, именно сейчас, окончательно выясниться, насколько хорошо он вжился в образ тассунарца. В случае провала пренебрежительного смеха и сальных шуток не будет. Лишь на лицах уважаемых купцов отразятся вежливые до жути улыбки, что ещё хуже. Господи, Саян оторвал руку от перилл, всё нервы проклятые.

В просторной комнате уже собрались члены «Иноземной гильдии». Раздвижная стена с узким оконцем сдвинута в сторону. Дневная жара пошла на спад, в комнате, больше похожей на веранду, царит приятная прохлада. Вдали, за крышами одноэтажных домов, отлична видна зелёная гладь бухты Давизуна. Живописные горные отроги с зелёными мазками лесов с обеих сторон подступили к ней, словно зажали в тиски. Тассунарцы обожают прекрасные виды.

Низенькие столики расставлены широким кругом. На каждом уважаемом купце «скромное» сшитое на заказ кимоно из хлопка высшего качества. Однотонные одежды расшиты геометрическими узорами из полос, ромбов, кругов. Полно различных цветов, хризантем, лотосов, лилий. На чёрном кимоно утуса Щупра Фурнака, главы гильдии, вышит золотой дракон с распахнутой пастью, когтистые крылья разведены широко в сторону. На небольшой подставке рядом с главой гильдии лежит катана, вакадзаси, как и полагается, заткнут за вышитый

пояс. Подобные наряды, Саян ещё раз окинул взглядом купцов за низенькими столиками, не по карману большей части самураев, не говоря уже о простых горожанах.

– Добрый вечер, уважаемые, – Саян, как полагается по этикету, опустился на колени и низко поклонился. – Для меня большая честь присоединиться к вашему обществу.

На лицах купцов мелькнуло одобрение вместе с удивлением. Только с четырьмя из них, включая главу гильдии, Саяну довелось вести дела. Остальные непременно ждали от иноземца ломаного «Добрага вечера, увжаемы». А так «обезьянка» и в самом деле заговорила на благородном раномату с нужными интонациями, склонениями и ударениями. Большая часть тассунарцев совершенно искренне считает, что иноземцы вообще не способный худо-бедно выучить тассунарский язык.

– Приветствуем вас, уважаемый Саян, – утус Щупр Фурнак вежливо склонил голову. – Мы рады видеть вас в нашем обществе. Прощу вас, присоединяйтесь.

Специально для Саяна напротив главы гильдии пустует точно такой же столик с маленькими резными ножками в виде кошачьих лапок.

– Благодарю вас, – Саян ещё раз коснулся лбом прохладных досок пола.

Вздых удивления прокатился по ряду купцов, когда Саян, поджав ноги, легко и непринуждённо присел за столик. «Обезьянка» не только говорит, а ещё умеет правильно сидеть.

Удивление уважаемых купцов легко понять, Саян машинально разгладил складки кимоно. Если на ломаном раномату иноземцы худо-бедно ещё могут говорить, то вот сидеть на полу на корточках – никогда. В быту тассунарцев начисто отсутствуют стулья и столы на высоких ножках. Лишь изредка очень важный самурай может присесть на очень низкую табуретку и то лишь на улице.

– Саян Ингал, – мягко заговорил утус Фурнак, глава гильдии, – вы из благородного самурайского рода?

– Никак нет, уважаемый, – искренне ответил Саян. – В вашей прекрасной стране два имени носят либо урождённые самураи, либо те, кто получил привилегию носить два меча за поясом. В Марнее, откуда я родом, ситуация иная.

На моей родине у каждого человека, даже у самого бедного, не одно и даже не два, а целых три имени.

Купцы удивлённо переглянулись.

– Да, уважаемые, и в этом нет ничего странного, – в свою очередь Саян с трудом скрыл улыбку. – У каждого подданного марнейского императора кроме своего имени есть ещё так называемое отчество, имя его отца, и фамилия, что примерно соответствует тассунарскому родовому имени. Честность не позволяет мне лгать. Я простолюдин, мой отец городской ремесленник, сапожник. Если следовать традиции вашей страны, то мне следует называться Саян из Марнеи.

– Да, вы правы, – легко согласился глава гильдии. – Вы имеете полное право носить три имени, согласно обычаю вашей страны. Я прав, уважаемые? – утус Фурнак поочерёдно глянул на товарищей по гильдии.

Купцы согласно закивали.

– А сейчас я предлагаю перекусить.

Утус Фурнак громко хлопнул в ладоши. Раздвижная дверь с лёгким шорохом отошла в сторону. Официантка «Золотого чертога», молодая женщина в ярко-розовом кимоно, грациозно внесла изящный фарфоровый сосуд с длинным горлышком. Саян тут же поднял со столика маленькую чашечку.

Торжественный ужин традиционно начинается с маленькой чашечки подогретого сакэ. Согласно этикету рисовую водку наливает женщина: жена – мужу, хозяйка дома – гостям, или, как сейчас, официантка – посетителям ресторана.

– Уважаемые! – утус Фурнак поднял полную чашечку. – Я предлагаю выпить за бережливость и процветание. Да подарит Великий Создатель каждому из нас здоровье и мудрость.

Одним глотком Саян опрокинул чашечку сакэ. В Марнее водку традиционно пьют охлаждённой. Но, Саян сглотнул слюну, в подогретом сакэ своя прелесть.

Раздвижная дверь снова зашелестела. Официантки «Золотого чертога», словно артистки на сцене тетра но, внесли подносы с угощением. Совсем молодая девушка, почти подросток, поставила на стол перед Саяном чашки с традиционным супом мисо, маринованной редькой, жаренной в масле рыбкой и куриной грудкой. Все блюда тщательно и ровно порезаны на маленькие кусочки. Варёный рис, без которого не обходится ни одна трапеза, будет позже.

Торжественный ужин – очередное испытание. Для тассунарцев ложка и вилка – большая экзотика. Саян про себя усмехнулся. Последним на низенький столик официанта опустила тонкие деревянные палочки в бумажной салфетке.

И вновь лица уважаемых купцов напряглись от ожидания. Саян, как ни в чём не бывало, развернул салфетку и взял палочку. Ну не зря же он тренировался больше двух лет. В супе мисо плавают кусочки варёных овощей и свежие листочки зелени. Красновато-коричневая жидкость лишь слегка колыхнулась, когда Саян поднёс фарфоровую чашку ко рту. Ловко орудуя палочками, Саян подцепил и закинул в рот зелёный листочек.

Уважаемые купцы одобрительно закивали головами, «учёная обезьянка» преподнесла очередной сюрприз. Знали бы они, Саян в несколько глотков ополовинил мисо, сколько ему пришлось опрокинуть на себя чашек с супом, прежде чем пальцы приобрели видимую лёгкость и непринуждённость.

Под мелькание палочек завязался лёгкий непринуждённый разговор. Степенные купцы говорят о погоде, о видах на урожай (многие из них торгуют рисом) и даже о делах за пределами империи. Пусть Тассунара крепко держится за самоизоляцию, но новости Большого мира всё же достигают её берегов вместе с иноземными купцами. Больше всего уважаемых торговцев волнует война между Фатрией и Гунсаром, которая закончилась чуть больше трёх лет тому назад. Интерес вполне оправдан: фатрийскую боевую эскадру часто видели рыбаки. Больше исполинских размеров линкоров и фрегатов необразованных простолюдинов поразил гром пушек. Да и сама война шла рядом совсем, на другом берегу моря Окмары.

В свою очередь Саян рассказал о своём путешествии в Тургал, в столицу Рюкуна. Почтенных купцов поразили курильни опиума, где и простолюдины и благородные одинаково валяются в наркотическом угаре. А засилье иноземных товаров на рынках Тургала напугало их самым натуральным образом. Завершает торжественный ужин варёный рис.

Тассунарцы варят рис в малом количестве воды. К тому моменту, когда его признают готовым, вода либо испаряется, либо впитывается в зёрна. Таким образом рис превращается в клейкую массу, зато его очень удобно есть палочками. И на этом поприще Саян не ударил лицом в грязь: три чашки риса тщательно подчищены, а в четвёртой, как требует этикет, осталась пара зёрнышек.

Последним подали чай со сладким печеньем. Всё та же молодая официантка почти подросток поставила перед Саяном зелёный керамический чайник и фарфоровую чашку. На отдельном блюдечке несколько пирожков из сахара и рисовой муки с фасолевым начинкой.

Керамический чайник дышит влажным жаром. Аккуратно, тонкой струйкой нежно-зелёного цвета, Саян налил полную чашку. Немногие иноземцы понимают разницу между чаепитием и чайной церемонией. Вторую проводят специально

обученные мастера в специальных павильонах почти как ритуал почитания Великого Создателя. Ну а первое всего лишь и есть чаепитие.

– Уважаемый Саян, – утус Неев поставил наполовину пустую чашку с чаем на столик, – а вы умеете считать на соробане?

Ага! Саян сделал большой глоток зелёного чая, ароматная жидкость обожгла горло.

– Конечно, уважаемый, – Саян закусил сладким пирожком. – Иначе утус Райден не доверил бы мне вести свою бухгалтерию.

– Можете показать?

– С удовольствием!

Испытание едой успешно пройдено. Саян уже доказал, что в совершенстве владеет благородным раномату, непринуждённо сидит на корточках, пользуется палочками для еды и знает, как правильно съесть мисо и рис. Теперь уважаемых купцов интересуют его знания и навыки. И, особенно, счёт на соробане, очень похожего на обычные марнейские счёты с костяшками на тонких проволоках.

Миловидная официантка принесла соробан. Саян аккуратно сдвинул чайник, чашку и тарелочку с недоеденным пирожным на край низенького столика. Соробан слегка потёрт от постоянного употребления, костяшки отполированы. Наверняка хитрый Микаол Неев принёс его заранее.

– Я готов, – Саян отработанным движением поднял соробан за край, костяшки послушно сбежали к левому краю.

– Сколько будет... – утус Неев на секунду задумался, – пять умножить на восемь.

– Уважаемый, – Саян притворно обиделся, – пять на восемь будет сорок – слишком просто.

– Хорошо, – утус Неев хитро прищурился, – тогда.... Сколько будет триста восемьдесят семь вычесть сто двадцать девять?

Деревянные костяшки лихо стукнулись о край соробана и друг о друга.

– Двести пятьдесят восемь, – Саян машинально поднял соробан за край.

– А-а-а... сколько будет пятьсот двадцать шесть умножить на-а-а... восемьдесят один?

Сложность математических задач растёт в геометрической прогрессии.

– Сорок две тысячи шестьсот шесть, – Саян щелчком сдвинул последнюю костяшку.

Купцы одобрительно закивали головами. Для очень многих полуграмотных простолюдинов подобные расчёты за гранью возможного.

– А теперь, сколько будет... – утус Неев и не думает униматься, – триста девяносто один разделить на-а-а... двадцать семь?

Деление – это уже гораздо сложнее. Саян защёлкал костяшками. Задача с подковыркой.

– С округлением, – Саян сдвинул последнюю костяшку, – будет четырнадцать целых и четыреста восемьдесят одна тысячная доля.

– Bravo! – утус Ашар аж захлопал в ладоши от восторга.

Вслед за соробаном официантка принесла толстый томик «Земных вод». Под восхищённые взгляды купцов, с выражением и расстановкой, Саян прочитал несколько стихов Пеояна Виيجا, популярного тассунарского поэта. Однако купцы не аристократы, каверзные вопросы о культуре, писателях, мыслителях и художниках быстро закончились. В первую очередь членов «Иноземной гильдии» интересуют, насколько хорошо Саян разбирается в торговле, в законах Тассунары, в налогах и пошлинах.

– Где можно купить частный рис? – в очередной раз спросил утус Тагат.

– Кх-х-хмм, – Саян прочистил горло.

Вопрос не просто с подвохом, а на грани закона. Саян, словно вор, глянул на дверь, раздвижные створки плотно замкнуты. Уважаемые торговцы притихли, словно мыши. Не иначе сам чёрт дёрнул утуса Тагата за язык. Но придётся отвечать.

– Если я правильно вас понял, уважаемый Тагат, под «частным рисом» вы подразумеваете рис, который крестьяне выращивают в тайне от властей и налогов. Я прав?

Пухленькие щёчки утуса Тагата покрылись румянцем.

– Законопослушному купцу не к лицу ездить по деревням и лично скупать «частный рис». Хотя, нужно признать, крестьяне продают его по очень выгодным ценам, – продолжил Саян. – Лучше не рисковать, а покупать частный рис у старост деревень или представителей пятидворок, объединений пяти крестьянских хозяйств. На самом рисе не написано какой он – частный или законный.

Бурных аплодисментов не последовало. Прожжённые торговцы засмутились, словно девица на выданье при виде сватов. Подданные тассунарского императора Тогеша Лингау отличаются необычайной законопослушностью. Однако даже в Тассунаре и крестьяне, и купцы и даже сами самураи по-тихому нарушают указы и предписания властей. Иначе тем же крестьянам ни за что и никогда не рассчитаться с долгами и налогами.

– А-а-аткуда вы это знаете? – выдавил из себя утус Фурнак, глава «Иноземной гильдии».

– В школе хороших манер витуса Тонингона вместе со мной учился сын деревенского старосты. Бутылочка сакэ и душевная беседа кому угодно развяжут язык. По приказу императора Мемгара Лингау, сына основателя династии, мне запрещено покидать пределы Давизуна. Однако, признаться, жизнь по ту сторону стен очень интересует меня. Вот и узнал, случайно, правда.

Насколько уважаемые купцы поверили в объяснение – не имеет ни малейшего значения. Саян тихо вздохнул. Грустно даже, хоть вой. Как ни старайся, как ни крутись, а попасть в круг уважаемых купцов, стать членом «Иноземной гильдии», не суждено. Никогда.

– Уважаемый Саян, – утус Фурнак справился с растерянностью, – от лица гильдии разрешите выразить наше удовлетворение. Вы прекрасно владеете благородным раномату и не менее хорошо образованы и воспитаны. Ужинать с вами было очень приятно и познавательно. Мы в полном восторге.

Уважаемые торговцы вдоволь насмотрелись на «умную обезьянку». Пора и честь знать.

– Благодарю вас, уважаемые, – Саян с поклоном легко поднялся на ноги. – Знакомство и беседа с вами доставили мне много удовольствия. Всего вам наилучшего.

Уважаемые торговцы дружно поклонились в ответ.

От долгого сидения на полу немного затекли ноги, Саян сдвинул на место раздвижную дверь. Из-за тонкой бумажной перегородки не доносится ни звука, уважаемые купцы молча ждут, когда он удалится на безопасное расстояние. Как самому младшему по социальному статусу, ему полагается самым первым покинуть уважаемое собрание. Возможно, купцы ещё посидят часок другой, перемену занятому марнейцу косточки и обсудят свои торговые дела. Подслушать бы, но нельзя.

Такой шумный и оживлённый в разгар трудового дня Куриный прогон, центральная улица Давизуна, поздно вечером почти пуст. Лишь возле увеселительных заведений призывно горят большие ярко-жёлтые фонари. Лёгкий ветерок с моря остужает разгорячённую голову.

Душа горит. Может, и в самом деле завалиться в какой-нибудь питейный дом и пропустить чашечку другую горячего sake? Непременно горячего, чтобы язык в трубочку свернулся. Саян остановился под вывеской «Горячий сакэ от Гиора». Рядом из сдвинутой в сторону двери долетает гул голосов и переборы струн лютни. Приятные женский голос затянул балладу о долге и верности.

Дверная ручка так и манит открыть проход в царство веселья. Как ни как, а сегодня он добился впечатляющего успеха. Пусть и на птичьих правах, тассунарские купцы приняли его сегодня в свой круг. Теперь, и это верно, как восход Геполы с утра пораньше, вести дела будет куда как легче и прибыльней. Но-о-о...

Лютню и женский голос на миг заглушил раскат пьяного хохота. Так нельзя, Саян отвернулся и зашагал прочь по Куринному прогону. На сердце гиря весом в сотню коку риса. Купец Райден ещё год назад перевёл его на проценты от сделок. Доходы от торговли несомненно вырастут. Личный кошелёк приятно округлится и потяжелеет от золотых кобанов. Но... Но... И сам не заметил, как перегнул палку.

Тассунарцам можно помочь одним единственным способом – самому стать тассунарцем. Только как? Об этом ещё нужно будет подумать. Если раньше слава о чудном марнейце, который отлично говорит на благородном раномату, гуляла в основном среди торговцев, то теперь она вполне может выйти на улицы Давизуна и ещё дальше за его стены. Удивлённые глаза миловидной официантки из «Золотого чертога» тому порука. Саян криво улыбнулся. Будет очень нехорошо, если и за пределами Давизуна хотя бы один тассунарец узнает в нём иноземца. Тогда точно, и в этом можно не сомневаться, секир-башка будет.

Если центральная улица Давизуна в столь поздний час кажется пустынной, то маленькие боковые улочки производят впечатление полностью вымерших. Тёмные заборы, запертые калитки. Очень, очень редко над какой-нибудь дверью горит сиротливая лампочка. Лишь высоко в небе ярко светит прекрасная Итага, повелительница ночи. Узкие улочки залиты серебряный светом. Трудолюбивые горожане давно спят, набираются сил для нового трудового дня. Даже собаки возле ворот и те лишь лениво поднимают голову и молча смотрят вслед случайному прохожему.

Из-за угла показалась марнейская фактория, Саян сбавил шаг. Остановить распространение нежелательной славы никак нельзя. Если только вдруг и навсегда покинуть Давизун. Впрочем, это вариант, Саян невольно улыбнулся. Он уже и так отлично адаптировался к местным условия. Эх! Это надо было видеть, как лица уважаемых купцов вытянулись от смущения, когда утус Тагат задал столь неуместный вопрос о частном рисе.

Время толкает в спину. Точнее, Саян невольно потёр шею, нежно тычет обухом топора палача. Нужно срочно решить, кем быть и кем стать. Как, как помочь Тассунаре? Можно начать с торговли – самый привлекательный вариант. Ещё лучше было бы надеть накидку без рукавов с накрахмаленными плечами и заткнуть за пояс пару мечей.

У представителя правящего сословия гораздо, гораздо больше возможностей продвинуться по военной или гражданской службе. Глядишь, лет через двадцать можно будет и до великого советника, главного помощника императора Тассунары, дослужиться. Только катана и вакадзаси за поясом самый рискованный и опасный вариант.

Купцов и ремесленников особо никто не считает. Крестьян так вообще в коку риса меряют. А вот самураев... Каждый даймё, правитель домена, местный аналог марнейской губернии, ведёт подробные списки на выдачу довольствия подчинённым самураям. И вот через эти самые списки будет очень даже легко вывести самозванца на чистую воду. Две с половиной сотни лет в Тассунаре

царит Великий мир. Ни одной серьёзной войны, не считая крестьянских бунтов. Архивы и прочие записи содержатся в образцовом порядке. Н-н-нда... Задача.

Тяжёлые раздумья словно тяжёлые брёвна среди мелкой и тихой речушки. Куда ни кинь, всюду клин. Сколотить состояние на торговле вполне реально. Лет так эдак через двадцать – тридцать. Деньги, даже в сословном тассунарском обществе, отличный рычаг давления и влияния. Только жаль, до слёз жаль, терять эти годы лишь на личное обогащение. Может и нет у Тассунары этих лет. Гунсар, государство людей на той стороне моря Окмары, уже пал под натиском Фатрии. Следующая на очереди Тассунара, это к гадалке не ходи. Пока иноземцев держат в каменном мешке под названием Давизун. Только так не может продолжаться вечно.

В ночной тишине раздался тихий скулёж. Тузик, сторожевая собака, радостно виляет хвостом. Саян ласково потрепал мохнатого сторожа по загривку.

Странно? В доме горят фонари. Сквозь узкие щели закрытой двери и ставен пробиваются полоски света. Саян подхватил снятые сандалии, новенькие таби едва слышно шелестят по доскам пола.

Проклятье. Саян остановился на пороге. В своей комнате, за большим письменным столом собственной персоной возвышается Ридоу Райден, владелец марнейской фактории, он же начальник. Рядом с ним пустая на две трети огромная бутылка вина. По столешнице разбросаны куски жареного мяса и стрелы зелёного лука. Утус Райден старательно наливается вином, медный кубок глухо брякнул на стол и опрокинулся. Уже налился.

Масляная лампа освещает хмурое лицо утуса Райдена. Воротник сырой от вина, на подбородке блестит жир. Глаза в кучу, на лбу изогнутые глубокие складки. Купец в дурном настроении. От его массивной фигуры так и веет желанием схватить кого-нибудь и свернуть в бараний рог.

Саян нерешительно затоптался возле раскрытой двери. Душа жаждет похвастаться, рассказать начальнику о достигнутом успехе. Вон! Гиор, слуга и помощник, мнётся от нетерпения в темноте коридора.

– Спокойной ночи, уважаемый, – Саян вежливо поклонился.

Когда утус Райден в столь дурном настроении, да ещё в изрядном подпитии, его лучше не трогать. Местные работники обычно забиваются в самые тёмные и глухие углы большого дома и сидят тише воды, ниже травы. Лишь Гиор, как самый храбрый и безрассудный, осмеливается прятаться под покровом темноты в коридоре.

– А ну стой!

Грозный окрик железным кулаком долбанул в спину. Саян резво развернулся на месте.

– Поди сюда, – утус Райден грозно пошевелил губами.

Не пронесло, Саян остановился возле стола.

– Ты где был?

От утуса Райдена несёт кислым вином и давно нечищеными зубами. Шерстяная рубашка с длинными рукавами расстёгнута до пуза, наружу выглядывает волосатая грудь сырая от пота.

– Как я уже докладывал вам, – Саян машинально поклонился, – уважаемые торговцы из «Иноземной гильдии» пригласили меня в «Золотой чертог» на ужин.

– На кой хрен ты им сдался?

– Уважаемые купцы выразили желание познакомиться со мной поближе. Узнать, насколько хорошо я владею благородным раномату и-и-и..., – Саян замялся, внутреннее чутьё настоятельно советует заткнуться, – насколько хорошо разбираюсь в тонкостях торговли.

Лицо утуса Райдена скисло ещё больше, чем его вино.

– Новые связи позволят существенно увеличить товарооборот с местными купцами, – торопливо произнёс Саян. – А это прибыль... дополнительная...

Утус Райден засопел, как бык при виде красной тряпки. Стекло горлышка бутылки мелко, мелко застучало по краю кубка, когда купец принялся наливать вино. Сейчас рванёт. Саян внутренне сжался.

– Саян! – утус Райден с грохотом поставил бутылку на стол, капля вина выплеснулась через узкое горлышко. – Ты ведёшь себя как последний дурак! Ну на кой хрен ты таскаешь бабское платье и бабские носки? Спишь на полу как собака. Якшаешься с местной прислугой. Ты даже благородное вино променял на тёплую саку!

– Сакэ, – машинально поправил Саян.

Поправка явно была лишней. Утус Райден стал пунцовым от ярости.

– Вот что надо жрать! – утус Райден ткнул пальцем в тарелку с кусками жаренного мяса. – А не местные корешки и редьки в маринаде! Нормальные люди ложкой лопают! А не палками!

Утуса Райдена прорвало. Купец орёт, брызжет слюной, кроет последними словами Тассунару и тассунарцев. Стучит кулаком по столу и опять орёт.

– Вот!!! – утус Райден аж подпрыгнул на стуле. – Ты даже ведёшь себя как тассунарца! Нормальный мужик давно бы в драку полез! Двинул бы мне по морде! А ты стоишь с погнутой спиной! Стоишь, словно в штаны от страха наделал!

Купец на миг перевёл дух и взорвался по новой:

– Да на тебе даже нормальный штанов нет! Только красная тряпка поперёк жопы!

Утус Райден попытался было подняться на ноги, но лишь бухнулся обратно на стул.

– Вон!!! – гаркнул утус Райден. – Вон с глаз моих!!!

– Спокойной ночи, уважаемый, – Саян вежливо поклонился.

От гнева и бессилия утус Райден раскалился до такой степени, что заткнулся. В комнате повисла непривычная тишина. Купец хлопает губами, как выброшенный на берег морской окунь. Гнев окончательно перегорел в душе утуса Райден. Вместо очередной порции грязной ругани, купец разразился истерическим хохотом.

– Ну точно тассунарца! – утус Райден обхватил руками живот.

Хватит искушать судьбу. Саян, пятясь задом и продолжая отвешивать поклоны, выскочил из комнаты. Раздвижную дверь едва не заклинило, когда Саян чересчур резко дёрнул её.

Ух! Какая оса ужалила утуса Райдена? Какого чёрта он так разошёлся? Быстрее пчелы перестанут собирать мёд и перейдут на лак из лакового дерева, чем прожжённый купец откажется от дополнительной прибыли. Саян отвалился от дверного косяка и двинулся по тёмному коридору в сторону своей комнаты. Голова гудит, ноги заплетаются как у пьяного. Другой бы на месте утуса Райдена руки бы целовал от радости. А этот... Ещё только в сожжении Тивницы не обвинил.

Саян растерянно замер на месте. В гостиной темно, хоть глаза выколи. Впопыхах где-то бросил соломенные сандалии. А, ведь, утус Райден прав. Когда ругаются марнейцы, то они громогласно орут друг на друга и в самом деле могут набить друг другу морды. Тассунарцы совсем, совсем не такие. Орёт и брызжет слюной более высокий по социальному статусу. Младшему полагается стоять с погнутой спиной и смиренно сносить недовольство старшего. Саян усмехнулся. Сам того не замечая, перенял у тассунарцев и эту особенность. Ладно, Саян тронулся дальше, можно считать, что только что сдал ещё один экзамен. Даже

утус Райден, при всей своей нелюбви к местным обычаям, признал в нём тассунарца. А сандалии утром найдутся.

Главный дом фактории построен с размахом. Коридоры широкие, комнаты ещё шире. Саян, чтобы не сбиться с пути, ведёт кончиками пальцев по бумажным стенам.

– Витус, – пол под ногами зашевелился. – Как вы?

Господи! Саян облегчённо выдохнул, это Гиор.

– Отлично, Гиор, – Саян перешёл к противоположной стене, чтобы ненароком не наступить на преданного слугу и помощника. – Я в полном порядке.

Местной прислуге личные углы не полагаются. Гиор, как обычно, расположился на ночлег прямо в коридоре возле комнаты Саяна. По утрам Гиор убирает одеяло и тонкий матрас-футон в специальный шкафчик в конце этого же коридора.

– Почему витус Райден так недоволен вами? – полуночный свет Итаги осветил круглое лицо Гиора, едва Саян приоткрыл дверь в свою комнату.

Гиор из Уранд в достаточной мере владеет марнейским, чтобы уловит суть претензий утуса Райдена.

– А вы, вы, вы так благородно себя вели.

Лицо Гиора светится от восхищения. Несомненно он всё видел и слышал. Да и трудно не услышать, когда утус Райден орал на весь дом с тонкими бумажными перегородками.

– Уважаемый Ридоу Райден немного перебрал вина, – Саян переступил порог своей комнаты. – К утру он протрезвеет и будет извиняться. Вот увидишь.

– Но ведь он оскорбил вас. Неужели вы это стерпите?

– А что ты предлагаешь? Перерезать ему глотку?

– Ну, нет, конечно же, – испуганно зашептал Гиор. – Но...

– Не бери в голову. Спокойной ночи, – Саян решительно задвинул за собой дверь.

Окно в комнату затянуто противомоскитной сеткой. Середина лета, только ночью приходит долгожданная прохлада. Вместе со свежим воздухом во внутрь проникает свет прекрасной Итаги. Расправленный матрас-футон вместо белого кажется ярко-серебристым.

Саян скинул кимоно и аккуратно сложил его на циновку возле матраса. Льняные портки может быть и были бы по-марнейски, зато набедренная повязка очень даже подходит к местному климату. Ну а то, что красная, так тассунарцы верят, что таким образом они отгоняют от тела злых духов.

Ладно, «красная тряпка поперёк жопы» – это мелочи. Саян натянул на себя тонкое одеяло. Голова находится в спасительной тени, а ноги до самых колен залиты светом Итаги. Голову на отсечение: сегодня вечером родилась ещё одна легенда. С утра по раньше Гиор растрезвонит по всему дому, как благородно и достойной, словно самый настоящий тассунарца, вёл себя Саян перед лицом разгневанного витуса Ридоу Райдена.

Ну вот, опять, Саян перевернулся на левый бок, опять совершенно не нужная слава.

Глава 2. В доме фатрийского купца

Глава 3. По ту сторону стен

Глава 4. Последняя попытка

Глава 5. Страх купца Райдена

Глава 6. Перед отплытием

Глава 7. Сквозь шторм

Глава 8. Заначка

Часть 3. Первые ступени

Глава 1. Уважаемый торговец

Глава 2. Начать своё дело

Глава 3. Вялый результат

Глава 4. Прорыв

Глава 5. Большой переполох

Глава 6. «Открыть» страну

Глава 7. Бремя великого советника

Глава 8. Переговоры

Глава 9. Ещё не конец

Череповец. Декабрь 2015 года.

Об авторе.

Разрешите представиться: Волков Олег, писатель.

В Интернете много самых разных писателей профессиональных и талантливых. Но и мне есть чем похвастаться.

Главная особенность моего творчества в том, что я стараюсь писать не только красиво, а ещё реалистично, насколько такое вообще возможно в фантастике как в литературном жанре. В моих произведениях вы не найдёте ляпов, багов, глупостей и подгонки желаемого под действительное. Поверьте: на этом поприще у меня крайне мало конкурентов. Ведь даже в произведениях мэтров российской фантастики полно несуразностей.

Сюжеты своих произведений я моделирую самым тщательным образом. Никогда и ни за что не приношу правдивость и реалистичность в жертву глупой зрелищности и супергеройству. Не злоупотребляю постельными сценами и шутками ниже пояса.

Другая особенность моего творчества в том, что практически все свои книги я укладываю в несколько литературных миров. Иначе говоря, обожаю писать серии, подсерии, трилогии и тетралогии. Не исключено, что со временем доберусь и до пенталогии.

Надеюсь, вам понравится.

Мой авторский сайт:

«Библиотека реалистичного фантаста» (<http://www.volkov-o-a.ru/>).

Я в социальных сетях.

«ВКонтакте». (<http://vk.com/id347725778>)

«Фейсбук». (<https://www.facebook.com/profile.php?id=100011252619544>)

«Живой журнал». (<http://volkov-o-a.livejournal.com/>)

Skype: volkov-o-a